

Дэймон НАЙТ

БУДЬ МОИМ ГОСТЕМ

1

В комнате стояла тишина. Человек, сидящий перед зеркалом, был здесь единственным живым существом, а он был слишком напуган, чтобы издавать звуки.

Из зеркала на него уставилось пять лиц. Одно молодое и румяное - это было его собственное лицо. И четыре других, которые не принадлежали этому миру вообще. Они были морщинистые, злобные, маленькие, как яблочки-дички, и прозрачно-голубые, как дым.

Вот как это все случилось.

После похорон единственное, что пришло в голову Кипу Моргану, это - выйти и кипеть негодованием. Было время, когда он даже не хотел видеть Анжелику Мак-Тевис, но сейчас она находилась здесь, и у нее был такой вид, словно она была готова рассмотреть любые предложения. Поэтому он повез ее в Сансет, в бар, который был ему хорошо знаком. Это был даже не бар, а так - забегаловка, дешевый ресторанчик. Там было тихо и темно; там не мозолили глаза обои, потому что их не было вовсе, а вместо этого была старая черная панельная обшивка; там был музыкальный автомат, но никто никогда не включал его; официанты носили черные жакеты и очки с золотыми ободками; и если человек хотел выпить здесь тихо и основательно, то персонал приносил ему выпивку и оставлял в покое.

- Когда я был ребенком, - обратился Морган к своему бокалу с виски и содовой, - никто не умирал, за исключением моего дяди Остина, но он упал с лестницы. А теперь вдруг они все подряд мрут, как мухи. Я, наверное, старею.

Анжелика наблюдала за ним и слушала его спокойно. Она была одной из тех стройных, компактных женщин, которые носят университетскую одежду спортивного стиля и почти не пользуются макияжем. И не потому, что это им очень нравится, а потому что в любой другой одежде они выглядят, как маленькие девочки, надевшие маскарадный костюм. У них стальной позвоночник и мускулы, как у кошки, и если они к тому же хорошенькие - а они обычно хорошенькие, - то ваше сердце замирает при взгляде на них. А если они вдобавок умны, то это просто трагедия. Потому что тогда они слишком хороши для большинства мужчин, и сами прекрасно знают об этом.

Спустя несколько минут она сказала:

- Ты к нему был сильно привязан, верно?

- К старине Джорджу? Конечно. Он был... - пальцы Кипа сжали стакан, стараясь выжать из него нужное выражение. - Он один стоил миллиона таких, как я. - Он насутился и попробовал выразить мысль по-другому. - Он был таким парнем... Ты чувствовал себя хорошо только от того, что он живет рядом.

- Я никогда не встречалась с ним.

- Да. Это так. - Кип прищурился. - Однако ты была на похоронах.

- Да.

- Почему ты пришла?

- Ты спросил меня, захочу ли я придти. В прошлую среду.

- Правильно. Все верно. Ему было только сорок шесть, как сказано в некрологе. Кровоизлияние в мозг; мерзкая штука. Он должен был прожить до ста девяноста.

- Что же теперь будет с его работой?

- С его работой? - переспросил Кип.

- Разве ты не говорил мне, что он открыл новый витамин?

- Ах, это... Не знаю. Вероятно, ничего не будет. Это было его личным делом, его никто не субсидировал. У него время от времени работали несколько аспирантов, но от них в общем-то было мало толку. Руководитель отдела бросил всех энергичных и напористых на противораковый проект... Я иногда мыл у него пробирки; иногда, так же как и я, ему помогала его дочь, когда ей удавалось убежать от матери. Но она больше была, чем мыла.

- Это та, со взглядом не от мира сего, которая не плакала?

- Ээ... ну да. Нэнси.

- Она буквально бросилась к тебе, когда ты уходил. Что с ней такое, Кип?

- Чего только нет. Она сдерживает все внутри. Ты когда-нибудь видела судороги? У нее что-то вроде этого, только в голове, а не в мускулах. Она не может установить контакт с людьми - старается, все время старается, больно смотреть на нее. Но она не знает, как это сделать.

Он допил остатки коктейля одним глотком и аккуратно поставил бокал.

- Я видел, как она направлялась ко мне... там, - сказал он.

Брови Анжелики слегка поднялись; в остальном выражение ее лица не изменилось.

- Расскажи мне еще что-нибудь о витамине - попросила она. - Если он на самом деле имеет такое большое значение, то почему ты считаешь, что никто не продолжит эту работу?

Кип покачал головой.

- Не очень большое значение. Это пустышка. Витамин, который препятствует выживанию вида.

Она медленно прищурилась.

- Витамин, препятствующий выживанию?

- Вот именно.

- Не может быть, - сказала она решительно.

Подождал официант, отрешенно поставил два новых коктейля и убрал пустые бокалы, думая о чем-то своем.

- Кип, из чего получают эту штуковину? Где профессор Леберт обнаружил ее с самого начала?

- В свиной печени.

- Но тогда этот витамин не может препятствовать выживанию самой свиньи.

- Нет. Хотя мог бы послужить препятствием, если бы понадобился людям. Смотри, свинья синтезирует эту штуку. Для нее она ничего не значит. Почему - непонятно, но это другой вопрос. Для свиньи это просто побочный продукт какого-то процесса. Единственное значение, которое это может для нее иметь, - если данное вещество окажется еще одной причиной для убоя свиней.

Анжелика слегка нахмурила брови.

- Не употребляешь ли ты слово "выживание" в двух разных значениях?

- Ну, в общем, да. Но ты тоже. Ну например, возьмем коров породы Джерси, которых везде разводят. Маленькие рога и большое вымя. Это факторы, способствующие выживанию, так? - Он замолчал, а затем добавил: - По крайней мере, пока существуют фермеры.

Она кивнула.

- Или, если хочешь, возьмем в качестве примера витамин С. Он предохраняет нас от кожных кровоизлияний и цинги, и это привело к тому, что выращивают лимоны. Это хорошо для нас, а хорошо ли это для лимонов, мы не знаем. Или сложный комплекс витаминов L - хорош для тебя, если ты когда-нибудь захочешь иметь детей и выкармливать их грудью, но ужасен для меня, если он действует так же на мужчин, как и на женщин, избави Боже!

Еще витамин L, как мы обнаружили, разрушает витамин Джорджа в организме приматов. Он все-таки синтезировал эту штуку - это у него заняло шесть лет. Получил чистый препарат, а витамин L оставил его ни с чем - должно быть произошла цепная реакция с натуральным витамином и его примесями и витамином L. Поэтому Джордж попробовал его на макаках-резусах.

- И?

- Ну, это именно витамин. Морские свинки и кролики становятся жирнее, у них более густой мех, чем у контрольной группы. Крысы и мыши делаются более активными. А обезьяны впали в истерику, у них начались конвульсии. Последние умерли две недели тому назад, во вторник... Джордж наклеил бирочку "яд" на двадцати кубиках препарата и оставил их в лаборатории просто на память; остальную часть препарата он слил в канализацию.

Кип проглотил половину своего напитка так, как будто это был раствор подозрительного витамина, затем поместил бокал в луч окрашенного света, падающего из крошечного окна у них над головой, и стал наблюдать за кубиками льда, которые переливались и становились похожими то на янтарь, то на сапфир, то на рубин. Анжелика, которая никогда не говорила только для того, чтобы прервать молчание, сидела так же молча, как и он.

Официант подходил и уходил. Старые часы с маятником, висящие над сводчатым проходом, затихли на мгновение перед тем, как начать сдержанно отбивать время, а затем возобновили свое деликатное похоронное тикание, чтобы через длительный промежуток времени начать отбивать время вновь. Пятна света незаметно перемещались вдоль стола, пока уголок одного из них не коснулся скрещенных рук Анжелики.

Руки двинулись. Кип поднял голову в тот самый момент, когда Анжелика откинула рукав цвета лесной зелени и посмотрела на часы.

- М-м, - промычал он.

- Два часа.

- Угу. Ох... у тебя назначено свидание?

- Да.

- А... Где? Я отвезу тебя...

Он начал подниматься.

- Здесь.

Он сел опять и посмотрел на нее изумленно.

- Это забавно.

- Кип!

- Да?

- Сегодня понедельник. Ленч. Помнишь?

На лице Кипа отразилось удивление, затем недоверие. Затем, пораженный, он произнес:

- Понедельник. После полудня ты свободна.

- Да.

- Мы собирались встретиться за ленчем, а затем поехать на пляж, если будет хорошая погода, или пойти на танцы, если погода нас подведет.

- В этот понедельник, - произнесла она, улыбаясь.

Кип посмотрел на свои часы, затем вытянул шею, чтобы лучше разглядеть настенные часы.

- Сейчас два часа, - глупо подтвердил он, смутился и поискал глазами официанта.

- Кип, мы могли бы заказать ленч здесь.

- Нет. Только не здесь, а где-нибудь, где много посуды, длиннохвостые попугаи в клетках, и официантки с итальянскими прическами и цветы везде, где только можно.

Он посмотрел на счет, который вручил ему официант, положил на него сверху банкноты и взял Анжелику за руку.

- Пойдем!

Итак, они провели время за ленчем с необходимым количеством мартини, весело споря о том, какая же все-таки нынче стоит погода, так как был один из тех дней поздней осени, который всегда оборачивался не той погодой, которую вы ожидали; и в конце концов Кип сказал:

- Смотри. Если мы поедем на пляж, то пойдет дождь или будет слишком холодно, а мы все равно будем торчать там, чтобы показать, какие мы стойкие и выносливые. Правильно?

- Правильно.

- А если мы поедем на танцы, либо будет хорошая погода для пляжа,

либо будет идти дождь и мы будем мечтать о том, чтобы находиться в каком-либо месте, где можно посидеть и послушать шум дождя.

- Правильно.

- И в любом случае это закончится тем, что мы где-нибудь будем есть пережаренные бараньи отбивные со спагетти и слушать Марио Ланца, поющего так громко, как не может петь человек.

- Очень похоже на то.

- Хорошо. Тогда поехали ко мне и будем слушать Малера, а я приготовлю настоящий бифштекс.

Кип (в честь Кипплинга) Морган жил в домике, который получил вместе с работой и который был больше местом работы, чем домом. В передней части дома находился специализированный магазин, в доме была гостиная, маленькая кухня и спальня, а в задней части дома располагалась ванная комната. В южной Калифорнии огромное количество профессиональных игроков в гольф, и сотни из них лучше Кипа, у которого был потрясающий стиль игры, но совсем не было соревновательного духа. Однако он был терпелив и дружески ко всем относился; он хорошо смотрелся: он не обольщал женщин - членов клуба, и по-настоящему они тоже не могли соблазнить его. И все любили его, потому что Кип любил всех.

Клуб был прекрасным местом встречи. Именно там он встретил Анжелику. Она играла сильно и чисто - потому что она строила игру так, как жила, и потому, что она относилась к игре серьезно. И Кип с чувством вины осознал, что так и предполагалось воспринимать игру.

Анжелика работала секретарем-референтом у человека, который занимал пост в городском Совете и собирался стать мэром; она знала политику с ее грязной изнаночной стороны и была крайне привержена ей; она разговаривала на французском и испанском слишком быстро, чтобы ее мог понять кто-нибудь, для кого эти языки не были родными, имела степень магистра по социологии и могла подпевать гармонично чему угодно. Кип немножко боялся ее, потому что он желал ее так сильно, как он никогда и ничего не желал в своей жизни, начиная с двадцатилетнего возраста.

Небо над аллежкой, по которой они шли, было ясного нежно-салатового цвета. Воздух был холодным и влажным, а верхушками эвкалиптов играл небольшой ветер. Собирался дождь.

Кип открыл дверь и провел Анжелику в дом, сердечно положив свою большую руку на ее маленькую спину, где рука почувствовала себя так уютно. На мгновение ему почудилось, что девушка прижалась к нему, но тут он понял, что она просто остановилась в дверях. Затем он почувствовал дымок и понял, что в доме что-то не так.

Он проскользнул мимо девушки, и закрыл дверь. Венецианские жалюзи были опущены, хотя он оставлял окна открытыми. Несмотря на полумрак, Кип заметил, что стена выглядит странно, а по полу разбросано что-то белое. Он нажал на выключатель.

По комнате разлился электрический свет, странно желтый по сравнению с воздушно-серым светом за окнами. На длинном столе многоцветной насыпью валялись отбросы: гуща кофе, мокрая газета, шкурки бананов, комья белесого жира, листья салата и усики шпината, напоминающие морские водоросли.

Яичная скорлупа захрустела у него под ногами, когда он пересекал комнату. Возле одного из окон зеленые шторы, напоминающие одежду монаха, были пригвождены к стене над кушеткой, образуя гирлянду. В образованном гирляндой пространстве что-то было написано красными грязными буквами:

$$\begin{array}{cc} \text{LuO} + \text{Vi} + \text{E} & \text{-- i любовь u} \\ 2 & 2 \end{array}$$

Анжелика стояла рядом с ним. Когда Кип обернулся, то увидел, что девушка смотрит на него. Ее глаза были широко открыты, и в них читалась тревога.

Кип подошел к кожаному креслу в дальнем углу комнаты. Вещь, которая лежала на нем, оказалась туалетным сидением, декорированным чем-то красным в форме сердечка. Все это служило окаймлением куску коричневого картона, на котором красными буквами было написано:

Будешь ли ты
моим возлюбленным?
???

Он открыл дверь спальни и заглянул в нее, затем прошел по коридорчику за крошечной кухней и попробовал дверь, которая вела в кладовую, расположенную за магазином. Дверь отрылась. Какое-то мгновение он постоял на пороге без движения, затем закрыл дверь и пошел назад.

- Красная краска везде, черт побери, - сказал он. - Она, должно быть, открыла банку емкостью в галлон.

- Она? - спросила Анжелика.

Кип нагнулся и поднял клочок разлинованной бумаги; на полу, между яичной скорлупой валялись дюжины таких бумажек. На этом клочке были строки стихотворения, написанные правильным почерком школьницы. Кип спокойно посмотрел на бумажку, бросил ее и подошел к столу. Анжелика последовала за ним.

Отбросы на столе были сложены в три неровных яруса. На самом верхнем стояли две маленькие фигурки, сделанные из ершиков для курительной трубки и папье-маше, изящно раскрашенные акварелью. Это были фигурки мальчика и девочки. У мальчика были светлые волосы, а на девочке было длинное белое платье из жатой бумаги и вуаль.

- Кто, Кип?

Он взял фигурку девочки и мягко подбросил ее:

- Нэнси Леберт, - ответил он. - Она сделала все это.

Анжелика посмотрела на него с пытливым любопытством, затем подошла к кушетке и села под гирляндой.

- Дочь Джорджа, - сказала она.

- Дочь Джорджа. Она... просто рехнулась на почве меня.

- Я вижу, - промолвила Анжелика. - И долго это продолжается?

- Нет.

Возникла небольшая пауза.

- Я совершил ошибку, - сказал Кип, медленно краснея. - Это было на прошлой неделе, после того, как умер ее отец. Это она нашла его. Она позвонила мне и я приехал... Она держалась нормально, пока полицейские и следователь крутились там, а затем ее прорвало. Она плакала. Ты читала когда-нибудь о людях, из которых ручьями лились слезы? Ты думаешь, это забавно? Вся грудь моей рубашки была мокрой даже на следующее утро... Теплые слезы на моей груди - отвратительнейшее чувство. Было такое ощущение, что она истекает кровью на мне. А она продолжала говорить при этом, что ей уже двадцать шесть, и она уродина, и что единственный, кто ее любил когда-либо, был ее отец, а теперь он умер.

После паузы Анжелика, колеблясь, спросила:

- И в чем же была твоя ошибка?

- Я поцеловал ее.

- ...И это все?

- Нет, - ответил Кип. - Я сказал ей, что люблю ее - и, о Господи, это действительно так... Я ее люблю - но не в том смысле. Но она восприняла это совершенно иначе...

Начался дождь: сначала он легонько постукивал в окна, затем стал стучать сильнее, а потом звук перешел в равномерную гулкую дробь - это капли барабанили по крыше. Дождь принялся отбивать стаккато на плитах дорожки, и потоки воды стремительно забурлили в водостоках.

Внезапно Кип повернул голову.

- Что это?

- Где?

- Звук, как будто кто-то закрыл дверь... где-то внутри дома.

- Я слышала его. Но мне показалось, как будто хлопнули дверцей машины снаружи.

- Может быть, - произнес Кип с сомнением.

Он посмотрел на девушку, затем прошел по коридорчику в холл.

Дверь ванной была приоткрыта. Хотя раньше она была закрыта. Кип открыл ее полностью и вошел в ванную. В воздухе витал горячий пар и слабеющий запах лосьона для бритья. Крышка от туалетного сидения была прислонена к стенке с аптечкой среди беспорядочного нагромождения коробочек и тюбиков. Зубная щетка Кипа лежала на полу посередине комнаты, ее щетинки слиплись от красной грязи.

Он переступил через нее, глянул на мокрый круглый отпечаток в ванной и открыл дверь в спальню. Постель была измята. На подушке красовались два скомканных нейлоновых чулка, серое платье валялось на полу, закрывая кучу, которая, по-видимому, представляла собой пару туфель. Кип обошел эту кучу и направился в комнату в форме литеры L, дальний угол которой был срезан и образовывал кухню.

Дверь в гостиную была открыта. Кип вошел и услышал голос Нэнси Леберт, которая как раз в этот момент говорила:

- А почему вы не едете домой?

Она стояла возле стола, босая, сжимая в руке с запачканными красной краской костяшками черную сумку из искусственной кожи. Ее лопатки были похожи на ошипанные костлявые крылья. Ее комбинация была сморщена и косо висела на ней, одна бретелька бюстгалтера была прихвачена булавкой.

Она повернулась лицом к нему, ссутулившись и неуклюжая, уставившись на него большими зеленоватыми глазами, которые лихорадочно блестели.

- Привет, Кип, - обратилась она к нему, - не кажется ли тебе, что ей необходимо уехать домой?

У Нэнси были ярко-рыжие волосы: не цвета моркови, и не цвета хны, но того настоящего, темного, блестящего рыжего цвета, который можно увидеть только раз в жизни. У нее была бледная кожа, которая хорошо сочеталась с цветом волос, но еще больше ухудшала ее внешность. Ее тонкое лицо было покрыто пятнами и кучей прыщей. Оно выглядело как нечто, что необходимо было бы спрятать. Ее глаза как будто не принадлежали этому лицу. Они, казалось, не могли принадлежать ни одному лицу: они были чересчур огромными и чересчур блестящими, а белки имели желтоватый оттенок обесцвеченных зубов.

Кип обратился к ней.

- Нэнси, можно тебя попросить об одолжении?

- Она должна уехать домой. Это неправильно, что она находится здесь, Кип.

- Мы поговорим об этом позже, - ответил Кип, непроизвольно сжимая руки. - Сначала сделай мне одолжение.

- Хорошо, какое?

- Пойди и надень платье. Пожалуйста.

Она задумалась.

- Хорошо, - сказала она конфиденциальным тоном, - если она не хочет уйти, то нам остается сделать вид, что ее здесь нет.

Она промаршировала мимо Кипа в спальню. Через мгновение они услышали, как заскрипели пружины, когда она села на кровать.

- Что ты собираешься делать? - тихо спросила Анжелика.

Он сел возле нее, стараясь развеять неловкость.

- Отвезти ее домой.

- Кип, эту девушку необходимо поместить в психиатрическую лечебницу.

- Я знаю. Джордж хотел поместить ее под опеку еще несколько лет тому назад, но ее мать не соглашалась с этим. Она воспринимала это, как личное оскорбление. Я не могу ее поместить в больницу; это могут сделать только родственники.

- Вызови полицию. Пусть ее арестуют за умышленное нанесение вреда. Я понимаю, как это звучит, но это лучшее, что ты можешь для нее сделать.

Нэнси вышла из кухни, на ней было серое платье, но оно было не застегнуто, и один чулок. В одной руке она все еще держала черную сумку, в другой она сжимала бутылку сливового сока.

- Хотите сока? - спросила она весело.

- Нет, спасибо, - ответил Кип - Нэнси...

Она захихикала и вновь скрылась из поля зрения. Они услышали стук бутылок в холодильнике, а затем вновь установилась тишина, и был слышен только шум дождя.

Через несколько минут эта тишина их насторожила. Сначала Кип позвал Нэнси, а затем пошел посмотреть, что она делает. Окно в спальне было открыто, потоки дождя заливали кровать и пол. Нэнси в комнате не было.

Следующее утро было скверным. Будильник поднял Кипа с постели в шесть тридцать утра. Кип запел, принимая душ, хотя это не входило в его привычки, и только тут все вспомнил. Он завернулся в полотенце и побрел в гостиную, чтобы убедиться, что это был не сон. Но это была реальность: на стене над кушеткой остались дырки от гвоздей, повсюду остались мелкие следы красной краски, которые ничем не смыть, а возле двери было то самое место, где Анжелика сказала слова, которые будет трудно взять назад.

Кип предавался размышлениям о вчерашних событиях до тех пор, пока яйца не сковородке не стали жесткими, как подошва. После исчезновения Нэнси они долго обсуждали вопрос о том, что Кип должен вызвать полицию, причем вся логика была на стороне Анжелики, а Кип ничего не мог ей противопоставить, кроме того, что он знал, что будет чувствовать себя как палач на Голгофе, если он сделает это, не испробовав сначала какие-то другие пути.

От этой темы они перескочили, Кип даже не помнил, каким именно образом, к его работе. Кип не видел ничего плохого в том, что он занимается такой работой; после колледжа он перепробовал много всяких дел, и везде весело проводил время. Он был лесорубом, воспитателем в лагере для мальчиков, служителем зоопарка, моряком на торговом судне, - но ни одно из этих дел не приносило ему такого удовольствия, как его нынешняя работа, он был просто создан для нее. И он сказал это. И еще он подчеркнул, что если бы он выполнял какую-нибудь другую работу, то, возможно, никогда бы не встретил Анжелику. Без каких-либо видимых причин этот аргумент, казалось, привел ее в бешенство.

Она молчала достаточно долго, чтобы досчитать до десяти, затем ее глаза сузились.

- Кип, я как раз вспомнила кое-что, о чем ты мне сообщил за ленчем. Ты ведь изучал биохимию в колледже?

- Конечно. Калифорнийский университет, Лос-Анжелес. Джордж был одним из моих профессоров, разве я тебе не говорил об этом?

- Тогда, неужели я ошибаюсь, считая, что ты делал для профессора Леберта гораздо больше, чем просто мыл бутылки и пробирки? Ты, случайно, не был его лучшим учеником?

- Да. Он ставил мне высшую оценку.

- Хорошо, тогда почему...

- Подожди минутку. Его предмет я изучал просто в качестве хобби, он не был основным предметом моей специализации.

Она задумалась на минутку над словами Кипа.

- А что было основным предметом твоей специализации - физика?

- Физика. Ядерная.

Она задумалась вновь. Ее глаза стали большими и круглыми.

- Я думаю, что по этому предмету ты тоже получал наивысшие баллы. Можешь не отвечать. Я знаю, что получал. Кип, извини меня - это, конечно, не мое дело, но как ты, имея такие способности, мог променять это все на твой теперешний образ жизни?

Он искал слова, чтобы объяснить ей.

- Слушай, это все не так, как ты думаешь. Совсем иначе. Понимаешь,

когда я был ребенком, я был помешан на науке: маленький тщедушный мальчишка с охапкой книг. Во время обучения в средней школе и колледже я продолжал думать, что это то, чем я хочу заниматься, но работа давалась мне все труднее и труднее. Когда я стал аспирантом, то выражаясь языком футболистов, получил удар ниже пояса. Я заболел. Я не окончил первый семестр.

Когда я набрался сил, я снова попробовал заниматься - мне предоставили отсрочку на лето. Но я снова заболел, заболел по-настоящему: анемия, гипертония, астма - чертовски неприятная штука! - а вершиной всего этого букета стал спинномозговой менингит, который поразил меня внезапно. Когда я выкарабкался, я сел и задумался. Все эти болячки были психосоматического плана, кроме менингита. И к этому времени энтузиазм мой поостыл. Я стал все больше задумываться, на самом ли деле я хочу провести остаток жизни, горбатясь и теряя зрение за лабораторным столом. Да я просто обманывал себя, убеждая, что хочу этого. Для чего? Чтобы изобрести еще большую бомбу, чем уже существующие?

Итак, я отправился на север и провел сезон, работая на лесозаготовках. Я ни разу не пожалел об этом.

Щеки Анжелики порозовели больше, чем обычно. Она серьезно произнесла:

- И ты считаешь, что не махнул на все рукой? Но что ты собираешься делать, когда больше не сможешь быть профессиональным игроком в гольф, Кип?

- Мне не обязательно дожидаться этого. Я присмотрел маленькое местечко в стране секвой, которое мне бы хотелось купить, если сойдемся в цене. Представь себе туристский лагерь на озере.

- Туристский лагерь?

- Конечно. Я знаю, там больше работы, чем многие воображают себе - и плотнические, и канализационные работы, и многое другое. Но это нормально. Я могу делать все, что...

- Ты можешь делать все, - сказала Анжелика, вставая, - но ты не хочешь.

Одним движением она схватила свой плащ. Сделав еще два взмаха, надела его. Она открыла дверь до того, как Кип успел двинуться. Потом обернулась.

- И зачем только дается талант таким людям, как ты? - сказала она, глядя на Кипа так, как будто у него во лбу окно. И ушла...

Яичница была коричневой по краям и нежно-зеленоватого цвета посередине. Кип подтолкнул яичницу, чтобы она съехала на тарелку, добавил слегка поджаренный бекон и рассеянно понес это месиво в гостиную. Булочка, масло, фруктовый сок, кофе. Кофе был холодным.

Кип выругался, но без энтузиазма, и глотнул сливовый сок. Жидкость обожгла его желудок.

Он задохнулся, обрызгав коричневыми каплями яичницу, и устоялся на пустой стакан.

- Бренди, - произнес он вслух, а затем добавил: - Нэнси.

Точно: она входила в комнату с бутылкой в руке. Она, должно быть, добавила в эту штуку коньяка как раз перед этим или же по дороге. А, может быть, еще раньше. Еще одна миленькая шутка.

Но что-то не сходилось. Все остальное следовало очевидной модели: и туалетное сиденье, и куча мусора в виде свадебного пирога, и даже яичная скорлупа - любовь и страх.

А какое символическое значение имел коньяк? Или сливовый сок?

Кип резко вскочил и пошел на кухню. Он открыл холодильник. Там была бутылка сока и прямо над ней бутылка коньяка, но это еще ни о чем не говорило.

Он не мог понять этого, и это ему не нравилось.

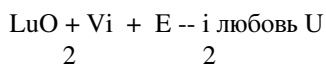
Если уж вспомнить вчерашний вечер, то как насчет ухода Нэнси через окно? Он так же не вписывался в модель; Кип ожидал, что проведет остаток вечера, прикладывая усилия, чтобы отправить ее домой.

Могла она подслушать, о чем они говорили в гостиной? Вполне вероятно. Они разговаривали, понизив голос, но нельзя с уверенностью сказать, как

долго она могла подслушивать под дверями спальни или за углом в холле.

Это напомнило ему о том, что вчера вечером ему никто не ответил на телефонный звонок в квартире Нэнси, которую она делила со своей матерью. А сейчас было слишком рано, чтобы беспокоить людей по какому-либо поводу, за исключением пожара или землетрясения; он решил дать им покой до восьми. Тогда он вновь попробует дозвониться.

Он побрел обратно в гостиную и мрачно уставился на стену, где все еще виднелась надпись, сделанная Нэнси:

Это вписывалось в модель, но не очень хорошо. Разве что предположить, что химия означает зловоние.

Химия!!!

Вопрос: зачем нужно наливать коньяк в бутылку со сливовым соком?

Ответ: чтобы заглушить вкус чего-либо другого.

Кип почувствовал себя несколько странно. Комната расплылась, а в голове зазвенело... Нет, то был не звон, а шепот.

Нэнси могла хранить все ключи отца. Она могла найти в его бумагах комбинацию, открывающую сейф в лаборатории.

А Джордж сделал наклейку "яд" на...

Кип повернулся к столу, макнул палец в остаток жидкости и попробовал ее на вкус. Сок, коньяк. И что-то еще. Теперь, когда он знал, что ищет, он безошибочно определил это на вкус. Густой маслянистый привкус витамина.

Он повернулся и направился в ванную. Шепот становился сильнее: металлические тонкие голоса, как будто какая-то группа людей тихо разговаривала на дне колодца. Покрываясь испариной, Кип стремился не слушать их, но ничего не получалось.

- ...боится быть отравленным.

- Станный. Должно быть, сходит с ума.

Они разговаривали о нем! Может быть, то же самое случилось с обезьянами Джорджа, и именно поэтому у них шла пена изо рта, они кусали себя до крови и умирали?

Он поскользнулся на влажном полу, ухватился за край умывальной раковины и обнаружил, что смотрит на свое собственное отражение в зеркале. На мгновение ему пришла в голову идиотская мысль, что кто-то нарисовал маленькие злобные физиономии на стене за его спиной. Затем Кип сконцентрировал свой взгляд на них и, как бы долго и пристально он ни всматривался, он не мог отрицать того факта, что...

...четыре маленьких человечка, дымчато-голубых и таких же невещественных, как мыльные пузыри, сидели на корточках у него на плечах.

Кип сел в кожаное кресло, уронил голову на руки и закрыл глаза, плотно обхватив пальцами виски. В мозгу билась одна-единственная мысль, которая все повторялась и повторялась: "Обезьяна - не человек". Он думал об этом так долго и упорно, что уже не был уверен в том, что должна была означать эта фраза. Но мысль помогала ему. Это было нечто, на чем можно было мысленно задержаться.

Держать глаза закрытыми было куда лучше, но он все еще продолжал слышать голоса. Затыкать пальцами уши, как он обнаружил, было бесполезно. Это ничуть не помогало. Он был уверен, что звуки не были обыкновенными механическими вибрациями, хотя он точно слышал их с помощью ушей. Звуки были стереофоническими и он мог точно установить их источник. Например, два голоса принадлежали тем, кто сидел у него на левом плече, но остальные два перемещались...

Кип выпрямился и сел ровно. Он был в глубоком ужасе.

Один из двух гнусных писклявых голосов теперь исходил из центральной части его легких. Другой находился в черепной коробке.

Раздался стук в дверь кладовой, а затем громкий вопль:

- Эй, Кип!

Это был Лебо, который ведал клюшками и мячами.

Кип оцепенело поднялся, подошел к двери и, не открывая ее, спросил:

- Что, Ирвинг?

- Здесь мистер Чейз. Говорит, ты обещал поработать с ним его клюшками сегодня утром.

- Витамины? - сказал голос в его груди. - Гром и молния, что такое витамины?

- Да ты знаешь, - ответил голос в его голове, - это такие химические штучки. Черт возьми, Альфи, постарайся быть чуть самостоятельнее, чтобы от тебя было больше пользы.

- Скажи ему, что я извиняюсь, - сказал Кип, - но не могу сделать этого. Немного перебрал, в голове гудит.

- Ладно уж. Эй, Кип!

- Чего?

- Ты не знаешь, кто налил всю эту краску вокруг кладовой?

- Ох, - сказал Кип.

Два голоса внутри него все еще спорили о витаминах и теперь существа, которые сидели на плече, присоединились к ним. Он мог видеть их краешком глаза.

- Это сделал я сам, Ирв. Я разберусь с этим делом. - Он поколебался, а затем открыл дверь.

Лебо посмотрел на него, и его унылое лицо прямо-таки засветилось от интереса и любопытства.

- Да-а, ты действительно выглядишь скверно. Тебе бы лучше обратиться к врачу.

- Думаю, что я так и сделаю. Послушай, Ирв, может быть, ты уладишь все с абонементными посетителями? А насчет краски... скажи Олафу, что я свяжусь с ним сегодня вечером или завтра утром. Хорошо?

- Конечно, Кип.

...По крайней мере, стало ясно - хотя он и не очень сомневался по поводу этого факта - что маленькие голубые человечки были видны и слышны только ему.

Дальше Кип решительно вернулся в ванную, смыл холодный пот со лба и устался на двух маленьких человечков, которые все еще сидели у него на плече. У одного было длинное кувшинное рыло жулика, второй был пухлым и бесформенным. Они тоже устали на него, и это было довольно трудно вынести.

- Кто вы? - обратился он к зеркалу в пустой комнате.

Они переглянулись.

- Думаешь, мы должны сказать ему? - спросил толстяк.

- Это будет вежливо, - сказал Кувшинное рыло. - Хотя, разумеется, он не настоящий.

Кип никак не мог закрыть рот. Нижняя челюсть просто не хотела становиться на место, и все тут. И пока он усиленно пытался ее заставить, из него вышел легкий голубой туман и превратился в двух человечков: одного - с вытянутой челюстью и жесткими усами, другого - приземистого, с овечьим лицом.

- Что это? Что это? - воскликнул Вытянутая челюсть.

- Разговаривает с нами, - объяснил бесформенный. - Хочет знать, кто мы такие.

Вытянутая челюсть выглядел оскорбленным.

- Но это же безобразие, - произнес он.

- Ну... почему бы и нет? - спросил Кувшинное рыло. - Итак, я - дон Нобилио Эрнандес Сан Хуан Филипп Сальвадор Гевара де Сервера-Сильва. А эти джентльмены - капитан Эфрам Гудньюз, майор Джоселин Бритт-Говард и доктор

Альфред Р.О'Лири.

- Доктор медицины, дантист, - пропищал человечек с овечьим лицом.

- Здравствуйте, - глупо произнес Кип, а затем добавил: - Что это значит? Что вы делаете здесь, чего вы хотите? И что означает ваша фраза, что я не настоящий?

Вытянутая челюсть фыркнул.

- Мой дорогой друг, - начал он, - ты нам просто снишься.

- Я вам снюсь? - осторожно переспросил Кип.

- Совершенно верно. Вполне обычное дело, правда? Меня удивляет, что сон необычайно длинен, но это меня устраивает. Когда я засыпал - мне не стыдно в этом признаться - я был чертовски больным человеком. Чертовски больным.

- И я тоже, - вздохнул Кувшинное рыло. - Увы, мы уже далеко не так молоды, как прежде.

- Но я еще продержусь какое-то время, - сказал человечек с овечьим лицом. - Только нужно быть очень осторожным. Сердце, вы же знаете.

- Перекладина ударила меня, - сказал бесформенный человечек. - Это был сильнейший шторм, который я когда-либо видел. Удивляюсь, как это мы еще не пошли ко дну.

Кип посмотрел на них с ужасом. Прозрачное лицо майора Бритт-Говарда было все покрыто пятнами и грязью. На правом виске дон Нобилио, как раз над глазом, виднелась крошечная сморщенная дыра. А капитан Гудньюз, ужасно распухший, с отваливающейся кусками плотью...

- Какой сейчас год? - спросил Кип хрипло. - Не в вашем сне, а в реальности?

Все четверо тревожно переглянулись.

- Должно быть, девятый, - нехотя буркнул майор.

- Сейчас тысяча восемьсот шестьдесят седьмой год от Рождества Христова, - произнес дон Нобилио.

- Тысяча девятьсот двадцать первый, - сказал доктор О'Лири.

- Восемьдесят девятый, - ответил капитан Гудньюз.

Они сердито уставились друг на друга.

- Вы мертвы, - подытожил Кип. Ему не хотелось этого делать, но он не мог остановиться. Он обратился к майору. - Вы и доктор О'Лири умерли от болезней. Вы, дон Нобилио, были застрелены во сне. А вы, - он указал на капитана Гудньюза, - утонули.

Поднялась волна яростного протеста, причем доминировал голос майора Бритт-Говарда, который выкрикивал:

- Чепуха! Чепуха!

Затем он добавил:

- Я знал, что не стоило разговаривать с этим нищим. Начали спорить со сновидением, вот и получили то, что заслуживаем. Альфи, Эфрам, Билли - идемте отсюда.

Все четверо растаяли, превратившись в мерцающий голубой свет, который исчез в теле Кипа. Он слышал их голоса глубоко внутри себя. Они о чем-то сердито спорили.

Отношение Кипа к такой теме, как жизнь после смерти, было всегда жизнерадостно-прагматическим, как у человека, у которого еще очень большая и длинная жизнь впереди. Если это правда, то со временем он все выяснит на собственном опыте, если же нет - ну и плевать.

К некоторому удивлению Кипа, теперь эта идея вызвала в нем сильное отвращение. Его разум бросился от нее в сторону софистики: не было причин полагать, что его сознание правильно интерпретирует новую информацию, которую оно получает. Там, где Кип видел маленьких голубых духов, другой человек на его месте мог бы увидеть пурпурных жуков и услышать их мелодичное стрекотание. Трудно что-либо сказать наверняка.

Но это был чистейший идеализм Беркли, который можно использовать логически непротиворечиво для чего угодно. Например, чтобы опровергнуть

существование бутерброда с ветчиной. Вдобавок, что гораздо хуже, эта теория нарушала закон экономии мышления - она вносила лишнюю сущность, вовсе не необходимую для объяснения наблюдаемых фактов. И, в конце концов, какие у него есть возражения против самой идеи духов?

То, что нет очевидных доказательств их существования? Да нет, едва ли. Кип с чувством какой-то странной неловкости осознал, что случаи освобождения духа от телесной оболочки так же хорошо описаны, как и случаи падения метеоритов. Их регистрировали, и сведения хранили - вот только информация эта проходила под грифом "Религиозные суеверия".

То, что это теоретически невозможно? Об этом ничего нельзя сказать до тех пор, пока не создана соответствующая теория.

Правда, предполагается, что духи обитают в заброшенных домах, а не в живых людях, хотя... Ага, вот оно что!

Кип поднялся с кушетки и стал слепо бродить по комнате, механически огибая стол.

Как он сразу не догадался! Вне всякого сомнения, человечество неоднократно сталкивалось со случаями обитания духов в людях. Существует весьма распространенное слово для этого.

Одержимость.

Предположим, что тело человека служит естественным жильем для призраков. А когда их видят плывущими в разрушенных зданиях, то это объясняется не тем, что им понравилось именно это место обитания, а тем, что им некуда было больше деваться! Что, если подобно тем четверым, с которыми столкнулся Кип, все связанные с землей духи - это те, кто не хотят отказываться от удовольствий телесного существования? Или даже совсем не способны признать самим себе, что они мертвы... Ну какое еще объяснение можно придумать?

Такая гипотеза объясняет и то, почему духи, появляющиеся в зданиях, такие угрюмые и мрачные, а жильцы Кипа - ворчливые, но, в общем-то, добродушные существа...

Жильцы. Какое уютное, мирное слово! Жильцы, которые владеют им, как собственностью. Обладание (тут в голове сработал универсальный словарь Кипа, которым он так редко пользовался) - это "условие, обеспечивающее индивидууму такое право на собственность, при котором он может легально пользоваться ей, не давая к ней доступа никому, кроме особ, у которых есть точно такие же права на данную собственность..."

- Черт меня поberi совсем! - воскликнул Кип.

Он не был свободным владельцем своего тела, он был имуществом! Если уж говорить совершенно точно, он представлял собой нечто вроде частного клуба для четырех престарелых джентльменов. Прелестное обиталище, все удобства: горячая кровь днем и ночью, воздушное кондиционирование, обеденный зал, наблюдательные пункты. Наверху - библиотека, используемая скорее как курилка, так как никто никогда там не читает. Гарантированная звукоизоляция, приятное соседство, выбор яств по заказу...

Интересно, есть ли у них договор об аренде? А еще интереснее - вне зависимости от того, есть он у них, или нет, каким образом Кип может их выселить?

Ладно. Как вообще можно выселить кого угодно? Обратившись к закону. Изгнание нечистой силы...

Но все зависит от того, о какой разновидности закона идет речь. В юриспруденции закон - это правило поведения или действия, обеспеченное насильственным применением санкций. Нет полицейского - нет закона.

Поэтому, прежде чем обратиться к закону, следует принять во внимание санкции. Каковы они в случае изгнания нечистой силы?

Очень просты, вспомнил Кип. Если процесс изгнания нечистой силы не срабатывал, то пораженную личность топили или сжигали заживо на костре. Это было эффективное, но экстремальное средство. Если жильцы не хотели уйти, сжигали дом!

Но существует и другая разновидность законов. Такие законы - по крайней мере, в этой вселенной - не могут быть отменены и не требуют

санкций для своего поддержания. От них не сбежать, не укрыться. Это физические законы.

Кип был на дружеской ноге по крайней мере с дюжиной докторов, ни один из которых до сих пор не заработал на нем ни копейки. Он позвонил одному из них, блестящему молодому человеку по имени Латам, у которого был кабинет в западной части Лос-Анжелеса.

- Тебе заехали по башке мячиком от гольфа? - спросил Латам с искренним удивлением.

- Нет, со мной все в порядке. Я просто хочу провериться. И, понимаешь, я тут, в некотором роде, спешу. Можно ли приехать сегодня утром? Проверить обмен веществ, сделать рентген и все такое прочее?

- Когда ты ел в последний раз?

- Вчера около одиннадцати вечера.

- Хорошо. Если хочешь проверить обмен веществ, нужно ждать до одиннадцати часов утра. Не делай никаких упражнений, и ничего не пей и не ешь, пока не пройдешь процедуры. Приходи в пол-одиннадцатого, мы сначала продлаем другие анализы. Как насчет ленча после обследования?

Кип повесил трубку и набрал другой номер.

Майкл Витал, низенький мужчина с брюшком, обладатель нервных бровей и неугасимой улыбки, был предан гольфу, в который он играл из рук вон плохо, и акустике, в которой был очень силен. Кип провел большую часть утра в его лаборатории в Вествуде, рассматривая все, и задавая вопросы, и стараясь попасть под любые (не смертельные) волны инфразвукового и ультразвукового диапазона частот, известные человеку.

В инфразвуковом излучении он сначала почувствовал депрессию, затем по очереди - радость, агрессивное безумие и сонливость, а "на закуску" он стал любвеобильным, как норка. Последнее чувство некстати постигло его, когда мимо проходила некрасивая ассистентка Витала. Кип с трудом сдержал свои порывы: впрочем, ассистентка давно привыкла к дружелюбным насмешкам и не обижалась. Ультразвук - тот, который Витал разрешил ему испытать на себе - не вызвал у Кипа никаких особых ощущений. И ни один из них, ни инфразвук, ни ультразвук, никак не повлиял на маленьких голубых человечков, чьи голоса непрерывно жужжали у него в груди.

- И это все, что вообще бывает?

- Это все, что я могу тебе показать, - сказал Витал, - за исключением нескольких частот, которые могут поджечь тебя или случайно сгустить твои мозги... ну, в общем, произвести слегка нежелательное действие. Я опробовал их на себе, и посмотри на меня теперь!

- Ну что ж, - протянул Кип, - спасибо, Майк.

Витал положил свою ладонь на руку Кипа.

- Кип, к чему тебе это все? Ты же пришел сюда не потому, что интересуешься моей работой.

- Неужели по мне это было заметно?

- Кип, знаешь ли ты, что я сказал тебе пять минут тому назад? Я сказал тебе следующее: "Катушки резонатора наматываются на сердечник из нежного пластинчатого сыра". А ты ответил: "Да-да, я понимаю".

Кип ухмыльнулся.

- Ах, ты, платяная вошь!

- Точно. И ты хорошо знаешь, что я не использую в своих работах сыр, он не дает правильного случайного соотношения. Никакого сыра, даже плавленого. Вместо плавленого сыра в качестве смазки лучше взять пастеризованный крем для обуви... Эй, Кип, улыбнись. Это шутка! Ну ладно. Итак, сколько времени я потратил, показывая тебе лабораторию, потому что ты мой друг и попросил меня об этом? Два часа. Для чего, Кип?

Кип заколебался.

- Если я скажу тебе правду, - ответил он, - ты даже не сочтешь меня сумасшедшим. Ты решишь, что я тебя разыгрывал, да только получилось не смешно. Извини, Майк.

Он ушел из лаборатории, чувствуя себя так, словно роста в нем осталось не больше трех футов.

Тестирование обмена веществ дало нормальные результаты; коленный рефлекс оказался в норме, то же самое было и в остальных случаях. Кип чувствовал себя подавленным. Он почему-то надеялся на то, что проверка обмена веществ что-нибудь выявит. Ведь если его визитеры ведут паразитический образ жизни, его организм должен сжигать больше энергии, чем ему требуется.

Латам сделал Кипу флюорографию и просветил рентгеном со всех сторон. Это не причинило ни малейших хлопот голубым человечкам.

Латам, как оказалось, полагал, что каждый доктор медицины должен хотя бы отчасти владеть методиками психоанализа и задавать пациенту глубокомысленные наводящие вопросы.

- Кип, что ты будешь делать, если обнаружишь, что серьезно заболел?

- Не знаю. Слушай, Эл, ты знаешь кого-нибудь, кто может сделать энцефалограмму?

- Зачем? Что, по-твоему, она должна показать?

Кип вздохнул.

- Вероятнее всего, ничего.

Он заплатил и ушел, еле вырвавшись из под взгляда Латама, в котором горел огонек энтузиаста-психоаналитика:

"Ляг-расслабься-и-расскажи-мне-все". Было уже около полудня. Кип так проголодался, что уже практически не мог сосредоточиться мыслями ни на чем, кроме еды. Поэтому он направился в сторону Олимпика и зашел в первый же ресторан, который попался ему по дороге. К сожалению, ресторан был сплошь декорирован зеркалами абрикосового оттенка, которые больше бы подошли для спальни с кроватью под балдахином.

Это означало, что здесь подают салат Уолдорф и отбивные на ножке в бумажных оборочках, затем следует желе с морковными кубиками внутри. Это также означало, что если Кип не будет изо всех сил следить за тем, чтобы не глянуть в зеркало, ему придется питаться в компании четырех духов, которые теперь опять расселись на его плечах, причмокивая и высматривая официанток.

Но как только его заказ принесли, они все снова скрылись внутри. Кип ел осторожно, прислушиваясь к их голосам, раздающимся внутри.

- Ужасная еда, - (это был голос майора). - Эти американцы совсем не умеют готовить. Я не хотел вас обидеть, джентльмены, я все еще немного нервничаю. Этот парень вел себя просто непристойно, говоря такие вещи нам в лицо! Парня, говорящего такие вещи, нужно хорошенько отхлестать!

- Из этого следует вывод, - вступил более спокойный и более утомленный голос дона Нобилио, - что вы предлагаете нам поискать другого хозяина?

Кип расплескал кофе.

- Нет, - ответил майор с отвращением, но убежденно. - Если бы мы могли выбирать - тогда, разумеется, да. Но поскольку нам придется положиться на волю случая - нет.

- Я не понимаю, почему... - начал доктор О'Лири.

- Мы и не ожидали, что вы поймете, Альфи. Вы не видели того, что видели мы. О, я не отрицаю, существует много мест, куда можно перебраться хоть завтра, если мы захотим сменить квартиру. Я жил в некоторых. Я говорю тебе, Альфи, нам чертовски повезло с этим парнем, когда предыдущий скончался. Чертовски повезло, несмотря на все эти последние неприятности, которые он нам устроил. Возможно, ты думаешь, что это было чересчур, но я уверяю тебя, что бывает и хуже. Нет, никогда нельзя получить то, что хочешь. Обычно приходится мириться с тем, что есть, до тех пор, пока не найдешь что-либо более или менее подходящее. Но если сделал неправильный выбор, то все рушится и приходится начинать поиски заново. Верно, Билли?

- Да, я всегда так это понимал. Но если мы все соглашаемся с тем, что мы хотим остаться...

Прислушиваясь, Кип позабыл жевать. А когда смысл того, о чем говорил майор, дошел до него, он позабыл слушать. "...приходится мириться с тем, что есть..." Значит, это ОНИ мирятся с НИМ?!

Он совершенно потерял нить разговора, потом на какой-то миг ухватил ее опять.

- ...говорю вам, ничего нельзя утаить от Комитета. Проклятые проныры, которые повсюду суют свой нос! Скорее всего, они уже все знают. Никогда нельзя предугадать, какое они примут решение. Но вот что я предлагаю: выяснить, что за всем этим кроется! Даже если для этого придется пойти в эти ужасные мебелишки, где всегда толпа... как бишь они называются?.. кажется, Нэнси Леберт...

"Нэнси!"

Кипа вдруг почувствовал себя виноватым. Он посмотрел на часы, выругался, вскочил с места и направился к телефону.

Пожалуйста, можете назвать это чистейшей воды эгоизмом. Весь день он не думал ни о чем другом, кроме как о своих заботах. Длинные телефонные гудки долго и мучительно пульсировали у него в ухе, и наконец были прерваны щелчком.

- Привет, кто это? - голос миссис Леберт звучал истеричнее, чем обычно.

- Это Кип Морган, миссис Леберт. Я хотел поговорить с вами о...

- Где она? Что вы с ней сделали?!!

- С кем, с Нэнси? Разве она не пришла домой...

- Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду! Да как вам такое в голову пришло: придти в мой дом, не сказать ни единого слова и увести ее? Что с вами происходит?! Почему вы не можете оставить Нэнси в покое?

- Миссис Леберт...

- Она не хочет, чтобы вы увивались вокруг нее! Она совершенно счастлива здесь со мной. Почему вы не хотите осознать этого?!

- Миссис Леберт, когда это случилось? Я не видел Нэнси со вчерашнего...

- Вы прекрасно знаете, когда это случилось. Прямо сейчас! Несколько минут тому назад! Я вышла в кухню на одну секундочку, а когда я вернулась, ее уже не было! Как вы можете стоять там и делать вид...

- Миссис Леберт...

- Мне безумно вредно так волноваться, но это вас не беспокоит...

- Миссис Леберт, пожалуйста, выслушайте меня. Разве она не могла просто выйти на минуту?

- Нет, потому что я искала ее в холле, а потом сразу выглянула в окно - оно как раз над подъездом - и я не увидела, чтобы она выходила! - В ее голосе зазвучали еще более резкие нотки. - Нэнси рассказала мне о вашем отвратительном поведении, мистер Морган. Она мне все всегда рассказывает! Может, вы об этом не догадывались? Или вы сейчас же вернете ее домой, или я вынуждена буду обратиться в полицию!

Она повесила трубку.

Кип в растерянности уставился на телефон. Анжелика была вчера права, конечно. И, если признать ее правоту, то звонок миссис Леберт в полицию был бы, возможно, самым лучшим выходом в сложившейся ситуации. Если, конечно, можно рассчитывать, что она это сделает. Хотя это как раз было очень сомнительно. Человек, способный обвинять Кипа в том, что он увел Нэнси, и в то же самое время говорить, что Нэнси не могла покинуть дом незамеченной...

Кстати сказать, какова действительно разгадка этого происшествия?

Чем больше Кип думал над этим, тем меньше все это ему нравилось. Он как-то не очень мог себе представить, что Нэнси выпрыгнула из окна во внутренний двор или спустилась в подвал, чтобы перерезать себе горло, но в принципе такой возможности нельзя было исключать. Скорее всего, она прячется от какой-то воображаемой опасности. Или же впала в меланхолию и бродит по комнатам - а, может, сидит на крыше...

Официантки не было видно. Кассир разговаривал с человеком в жакете из легкой полосатой ткани и даже не повернулся к Кипу. Выведенный из себя,

Кип бросил деньги на прилавок и вышел из заведения, чуть не сбив с ног пухлого подростка, который, надо полагать, размышлял о чем-то слишком возвышенном, чтобы смотреть под ноги.

Дом находился на 15-ой улице в Санта-Моника. Кип никогда не бывал там и не знал окрестностей. Номеров домов, как обычно, не было видно, поэтому он припарковал машину, вылез и пошел искать дом.

В третьем дворе, куда он зашел, под чахлым кустом сидела Нэнси Леберт, скрестив ноги.

Пока Кип направлялся к ней, она не двигалась. Он не мог сказать, смотрела она на него или мимо него. Вспомнив кассира и толстого мальчишку в ресторане, Кип внезапно похолодел. А что, если это не совпадение? Что, если она не видит его? Если никто его не видит?

- Нэнси, - неуверенно позвал он.

Ее голова чуть-чуть повернулась: к нему, или просто так? Нэнси как будто была удивлена.

- А, конечно, - сказала она. - Ты тоже мертв, Кип.

Она поднялась.

- Я рада, что убила тебя, Кип, - произнесла она доверительно. - Теперь мы можем всегда быть вместе, да?

Жильцы Кипа жужжали внутри него. Он попытался не обращать на них внимания.

- Ты не убила меня, я живой, - ответил он Нэнси.

- Э, нет. Если бы ты был живой, ты не смог бы видеть меня. Живые не могут видеть мертвых, Кип. Мама меня не видит.

По улице мимо двора шли какие-то подростки. Они говорили все одновременно: чистые сопрано и ломающиеся баски. Кип посмотрел на них, затем на Нэнси.

- Послушай, твоя мать волнуется за тебя. Пойдем, скажем ей, что с тобой все в порядке.

Он положил ладонь на ее руку жестом убеждения.

Она вывернулась и отступила назад.

- Значит, ты еще не догадываешься. Хочешь, чтобы я тебе показала, Кип? Смотри.

Нэнси стала пятиться по лужайке к выходу со двора, продолжая смотреть на него. Она ступила на тротуар прямо перед первой группой подростков.

Девушка и два парня шли рядом. Девушка повернулась, разговаривая с кем-то, кто шел позади нее. В это время парень, который шел посредине, толкнул второго паренька. Они стали бороться, потеряли равновесие и рухнули в канаву. В следующее мгновение позади них тоже завязалась суматоха: на тротуар влетел высокий парень, за которым гнались две девушки. Они пытались отнять у него сумочку, которую он старался открыть на бегу. Раздались вопли, а затем вся эта гурьба перебежала на другую сторону улицы. Нэнси не двинулась с места.

Ну что ж, ничего сверхъестественного не произошло. Простое совпадение. Или все-таки...

- Видел? - спросила Нэнси.

- Ты не невидимка, - сказал ей Кип. - Они не заметили тебя, но это случилось потому, что они все смотрели в другую сторону.

Нэнси кивнула.

- Вот так же было и с мамой, - произнесла она.

По его спине прокатилась ледяная волна. Все это, понял Кип, было лишь вопросом терминологии. Вещь, которая полностью прозрачна, - невидима. Как, например, окно, не отражающее свет и не дающее бликов. Но вещь, которая хорошо замаскирована, тоже невидима - как, например, насекомое, притворившееся веточкой, или пятнистый олененок в пятнах света и тени. А вещь, на которую просто никто никогда не смотрит...

А как насчет ощущения, которое возникало у него довольно часто, когда он был ребенком - обычно в темных уединенных местах, хотя иногда и в самый

разгар дня. Ощущения, что он не должен поворачивать головы, иначе случится нечто поистине ужасное?

По улице, направляясь в их сторону, шел мужчина. Он шагал быстро и размашисто, и размахивал портфелем на ходу. Мужчина двигался несколько неуклюже, потому что повернул голову так, как будто присматривался к домам на противоположной стороне улицы.

Кип стал у него на дороге.

- Извините, - сказал он.

Мужчина шагал, напевая себе под нос. В тот момент, когда он проходил мимо Кипа, он резко наклонил голову, а затем метнулся вправо, наклоняясь к чему-то, что тускло блестело на тротуаре: гладкий кусочек металлической фольги. Он отбросил фольгу, выпрямился - все это было сделано на ходу - и направился дальше. Он не дотронулся до Кипа и не посмотрел на него. Очередное совпадение?

Какое-то мгновение Кип тяжело дышал, ничего не говоря. Нэнси наблюдала за ним, устремив на него неподвижный взгляд желтых глаз, с неподвижной выжидающей улыбкой на лице. Кип взял ее за руку.

- Идем, - сказал он.

Толпа на авеню чудесным образом разделилась, чтобы они могли пройти. Люди отворачивались от них, как раз в этот момент заинтересовавшись чем-то в другой стороне. Люди разглядывали небо или упорно смотрели себе под ноги. В аптеке группа девушек позади фонтана сомкнулась тесным кружком, чтобы пошептаться. Покупателей заботили только товары. Продавец табачных изделий проверял свои записи.

Мужчина, стоявший возле стойки с телефонным справочником резко отвернулся и отошел прочь, когда Кип подошел и положил руку на открытую книгу. Кип нашел нужные номера и вошел в телефонную кабинку. Нэнси ожидала его снаружи все с тем же взглядом и с той же замороженной улыбкой.

Телефон полицейского отделения не отвечал.

То же самое и с пожарным отделением.

Телефонный оператор не отвечал.

Кип повесил трубку и сел, уставившись сквозь стену телефонной кабинки. Он думал о людях, которые исчезли - внезапно, полностью, навсегда. Амброз Бирс, Бенджамин Батурст, судья Крейтер... Неужели они провели остаток своей жизни, бродя среди отвернувшихся лиц, пытаясь докричаться через бездну молчания, умолая, заливаясь слезами, вознося молитвы, пытаясь писать отчаянные письма, которые, как они догадывались, не будут вручены?

Был еще один номер, который он боялся набирать. Но все же он набрал его твердой рукой.

Телефон в кабинете Анжелики не отвечал.

...Но через какое-то мгновение до него дошло, что с этим номером соединение должно было идти через телефонный коммутатор, - так же, как и в остальных случаях. Его немножко била дрожь, когда он набирал домашний номер Анжелики. Конечно, не было причин полагать, что в это время она окажется дома, но...

- Алло? Алло?

- Анжелика!

- Кип! - Ее голос прервался. - Ох, Кип! Я была так... Ты сейчас где? Ты дома?

- Нет. Я звоню из телефонной кабинки. В Санта-Моника. Послушай...

Тонкая рука, крадучись, потянулась к телефону и попыталась отвести трубку от его уха. Опустошенное лицо Нэнси заглядывало в телефонную кабинку.

- Не разговаривай с ней! - сказала Нэнси настойчиво. - Она не имеет права!

Кип отвел в сторону ее руку и опять приложил трубку к уху.

- ...не слышат меня, как будто меня просто нет! Я звонила тебе, но никто не отвечал. Кип, постарайся поверить мне, это не шутка...

- Я знаю, - сказал он. - Со мной случилось то же самое. - Послушай,

ко мне добираться ближе. Могли бы мы встретиться у меня через полчаса?

- Да, но... Да.

- Я не разыгрываю тебя, - произнес Кип напряженно. - И ты не сошла с ума. Это произошло с нами обоими в действительности. И с Нэнси Леберт тоже. Я все объясню, когда увидимся. Хорошо?

- Хорошо. До встречи... Кип!

- Да.

- Ничего. Я уже в порядке. До свиданья.

Кип обнаружил, что он все еще сжимает запястье Нэнси - достаточно сильно, чтобы причинить боль. Когда он отпустил руку девушки, она другой рукой стала механически растирать запястье. Больше она не сделала никакого движения, и слишком яркая, слишком самоуверенная улыбка так и не исчезла с ее лица.

Но Кип едва ли замечал Нэнси. Он пытался вспомнить кое-что, о чем говорили голубые человечки не так давно. Тогда он не обращал внимания на их разговоры, поэтому теперь он вспомнил только одно слово. Но этого было достаточно. Это единственное слово было...

Карантин!

3

Нэнси, которая сегодня относилась к Анжелике ни на йоту не лучше, чем вчера, сидела на краешке кожаного кресла, стоящего возле двери в спальню. Анжелика расположилась на кушетке, плотно сомкнув колени и положив на них руки. На ее красивом лице застыло странно напряженное выражение.

- Ты слышишь их сейчас? - спросила она. - О чем они говорят?

Кип прислушался.

"...тот парень в Пуне, который забил три мяча, высокий такой, с подбитым глазом, не выдержал тамошнего климата... с первого выстрела, на расстоянии больше ста ярдов, понимаете? Самый большой олень, которого я вообще...

- Ничего полезного, - ответил он. - Майор рассуждает о поло, а доктор О'Лири об охоте. И это все, о чем они говорят последние полчаса или около того. Не понимаю! Раньше они казались такими озабоченными...

- Кип, а тебе не пришло в голову, что ты, быть может, это просто придумал, сам того не сознавая - всех этих голубых человечков внутри?

- И карантин тоже?

Она нахмурилась.

- Нет. Конечно, нет, но разве это обязательно связано...

- Послушай, все сходится. Когда я выпил раствор витамина, который Нэнси смешала со сливовым соком...

Анжелика раздраженно встала и потянулась за пепельницей.

- А вот если бы ты вызвал полицию вчера вечером... - сказала она вполголоса, как бы невзначай, и опять села.

- Но это произошло уже после того, как Нэнси натворила тут беспорядок, - рассудительно заметил Кип. - В любом случае...

- Хорошо, скажи мне тогда такую вещь. Ведь этот витамин существует в естественном виде, не так ли? Ты говорил, что какие-то другие вещества нейтрализуют его действие в организме. Но ведь, наверное, бывают случаи, когда у человека в организме есть этот витамин и нет нейтрализующего вещества, как там оно называется...

- L-комплекс.

- Хорошо. Тогда почему ничего подобного не происходило ни с кем до сих пор?

- В том-то и дело, что происходило! - воскликнул Кип. - Именно это я и пытаюсь тебе сказать. Послушай, витамин Джорджа вырабатывается в свиной печени; вещество L1 найдено в говяжьей печени, а вещество L2 в дрожжах. Возможно, существуют и другие источники этих веществ, но названные мной

самые основные. Из сказанного можно понять, что каждый, кто ест много свинины и мало или совсем не ест говядину или дрожжи, может не иметь в своем организме веществ комплекса L, и время от времени может пару раз мельком увидеть какого-нибудь духа! Правильно? Теперь давай рассмотрим, традиционные кухни каких народов соответствуют описанию? И, с другой стороны, какие народы традиционно рассказывают о духах? Откуда происходят все эти гоблины, кобольды, баньши... Давай прикинем, где происходит пересечение...

Глаза Анжелики слегка расширились.

- Ирландцы?

- Ирландцы, шотландцы, жители средней Европы - пастушеские народы, но выращивающие не крупный рогатый скот, а либо свиней, либо коз. - Он начал загибать пальцы. - Свинина. Отсутствие говядины. Пресный хлеб - без дрожжей.

- Добавь сюда китайцев и другие восточные народы, - прибавил Кип чуть погодя. - Свинина и рис, совсем не едят хлеба - соответственно, множество историй о духах и поклонение духам предков.

Анжелика какое-то мгновение молчала.

- А твой случай - это первое в истории применение синтетического витамина, - произнесла она. - И он не был ничем нейтрализован, не разложился. Да, теперь я понимаю. Но наверняка рано или поздно он будет использован и выведен из организма. Значит, единственное, что нам остается делать, это ждать.

- Я так не думаю, - отозвался Кип. - Теоретически так и должно быть... Но если дело только в этом, то почему они подняли такую суматоху? Сдается мне, они думают, что так останется навсегда. И еще, - добавил он. - Даже если нужно будет всего-навсего подождать, я не знаю, как я смогу это выдерживать долго. Это ужасно. Это просто невыносимо!

Неожиданно в разговор вмешалась Нэнси.

- На что похожи твои ощущения, Кип? - спросила она.

Он задумался.

- Как будто у меня внутри - разворошенный муравейник, - ответил он. - Грязно и противно.

Анжелика содрогнулась и отвела взгляд. Нэнси только кивнула:

- Я так и думала.

Кип пристально посмотрел на нее. Он начал было говорить, но поразмыслил и оборвал фразу. Он повернулся к бумажному свертку на столе.

- Что это? - спросила Анжелика.

Кип стал доставать из свертка бутылки, пузырьки, картонные коробочки. Он аккуратно располагал их на столе.

- Я прихватил это все в аптеке, - объяснил он. - Антиспазматические средства. Препараты, которые высушивают слизистую оболочку. Стимуляторы. - Он показал ей пузырек и шприц для подкожных инъекций. - Адреналин. Надеюсь, мне это не понадобится, но никогда не знаешь заранее.

Брови Анжелики поднялись, затем опустились в выразительном жесте, который означал: "Ты что, шутишь?"

- А что это такое?

- Ладан, - ответил Кип, вываливая маленькие коричневые конусы в пепельницу. - Терпеть его не могу.

Анжелика сжала губы.

- Кип, если ты не возражаешь...

- Подожди минутку.

Кип занес шприц на кухню, помыл его и положил в кастрюлю, чтобы прокипятить. Он порылся в шкафчике, нашел головку чеснока и банку с красным перцем и принес их в гостиную.

- Я хочу начать процедуру. Она займет всего несколько минут, - пробурчал Кип. - Они заткнулись. Я думаю, они начинают понимать. В любом случае я полагаю, что не будет вреда, если я вам расскажу о том, что задумал, поскольку они все равно скоро узнают - если уже не прочли все в моем мозгу. Я собираюсь заняться изгнанием духов. Произвести экзорцизм.

Анжелика ничего не сказала. Нэнси внезапно захихикала.

- После того, как я испробовал несколько очевидных процедур, вроде радиационного облучения и вибрации, и они не сработали, я задумался над традиционным подходом. Магические заклинания, молитвы, пост, бичевание и тому подобное. До сих пор я разделял общее предубеждение против подобных вещей. Я думал, что все это чепуха. Но это не так. Все это прекрасные методы разрыва аренды. Когда хотят освободиться от жильца, который разрушает жилище, а он не желает сдвинуться с места, что делают хозяева? Ему досаждают до тех пор, пока он не сбежит очертя голову!

Единственной проблемой является подбор ключика к собственным жильцам, так как один и тот же метод борьбы не применим к разным духам. Предположим, вам причиняет неприятности дух набожного мазохиста со скромными бытовыми запросами. Ваши молитвы не будут беспокоить его, его не будет заботить еда, а при бичевании он почувствует себя совершенно как дома. Но я знаю, чего не любят мои жильцы.

Анжелика начала проявлять заинтересованность.

- Как ты можешь быть так в этом уверен?

- Очень просто. У меня четыре жильца. Один из них служил офицером Британской армии, другой был владельцем гасиенды, еще один был морским капитаном, а последний - зубным врачом и страстным поклонником охоты. Все эти люди постоянно находились на свежем воздухе. Ни один из них никогда в своей жизни не взялся читать книгу для собственного удовольствия. Ты помнишь, что я рассказывал тебе вчера о том времени, когда я стал болеть? Что я стал делать после этого? Я провел сезон на лесозаготовках, а когда у меня было время, я охотился. Я плавал, я работал на ранчо, и в лагере для мальчиков, и так далее и тому подобное... А прямо сейчас у меня такая работа, благодаря которой я много времени провожу на открытом воздухе и для выполнения которой не требуется чтения книг. У меня остается много свободного времени, чтобы поплавать, поиграть в теннис, попутешествовать и поохотиться. И мне не стыдно признаться тебе в том, что мне неоднократно приходила в голову мысль: если я когда-нибудь разбогатею, то куплю несколько пони для поло.

Что-то зажглось в глазах Анжелики, чего Кип так не смог толком разглядеть. То же самое, что почудилось ему в ее голосе во время телефонного разговора... И как же он был разочарован, когда ни следа этого чувства не было на лице Анжелики, появившейся в его квартире полчаса спустя. Она пришла холодная, выдержанная и слегка настороженная.

- Кип, но это же... Ты просто должен избавиться от них!

- Конечно.

- Но при чем тут таблетки? Я не понимаю, к чему они.

- Если духи могут управлять другими людьми, даже на расстоянии, заставляя их не смотреть туда, где в этот момент находится один из нас, то, я думаю, нетрудно представить себе, как они смогут истязать мою нервную систему, когда почувствуют, в чем дело. Я думаю, что заболею похлеще, чем тогда в юности.

Шприц был уже простерилизован. Кип вынул его из кастрюли, соединил все его части, наполнил его из ампулы и положил на чистое полотенце, которое он приготовил на столе.

- Ты знаешь, как им пользоваться, если вдруг придется? - спросил он Анжелику.

Она утвердительно кивнула, ее глаза стали большими и сосредоточенными.

Кип опустил все жалюзи и задернул шторы. В темноте комнаты только настольная лампа бросала резкий конус желтого света. Он подвинул ее ближе к столу и поставил под ней стул с прямой спинкой. Затем он подошел к книжному шкафу и вынул небольшой томик в красной с желто-серым обложке.

- Все мои книги по юриспруденции на складе, - пояснил он, - но эта тоже должна сработать. "Кибернетика" Винера. Я купил ее пять лет назад, и так и не смог продвинуться дальше первой главы.

Кип опять прошел на кухню и сделал так, чтобы из водопроводного крана

медленно и постоянно капала вода. Он постоял в нерешительности возле стола, осматривая все то, что было разложено на нем, но все было в полном порядке. Больше не было причин оттягивать выполнение замысла.

Он сел под лампой, прикоснулся зажженной спичкой к кусочкам ладана и стал наблюдать, как за клубился серый дымок.

- Кап, - прозвучало в тишине.

Кип открыл книгу и стал читать вслух.

"Если исходная группа является группой перемещения на бесконечной прямой, таким образом, что оператор T превращает величину x в $x+T$, (2.03), то получается: (кап)

$$(2.06) f(x+T) = \# (T)f(x),$$

и это уравнение удовлетворяется, если $f(x) = e^{\#}$, $(T) = e^{\#}$.

Символы (кап) будут функциями $e^{\#}$, а символьная группа будет группой смещения, изменяющей $\#$ на $\# + \#$, таким образом получается такая же структура (кап), что и в исходной группе...

Голос Кипа стал хриплым. Появились бисеринки пота в ложбинке между бровями. Они скатывались вниз. Его глаза затуманились и приобрели странное выражение. Он нашарил зубок чеснока на столе, срезал следующий горький на вкус, эфирный кусочек и положил его между зубами. Затем продолжил чтение, напрягаясь, стараясь следить за аргументацией.

Запах ладана стал очень сильным. Было такое впечатление, как будто дышишь одеколоном. Ноги Кипа стали ватными, а жесткий стул прекрасно воссоздавал атмосферу лекционного зала.

- В случае группы ротаций в цикле мы (кап) непосредственно получаем, что если:

$$(2.10) f(x) = \# \# \# a e^{\# \# \#}, - (\text{кап})$$

У Кипа непристойно забурчало в животе.

- тогда:

$$(2.11) a = \# \# \# S \# \# \# f(x) e^{\# \#} dx; (\text{кап}) -$$

Желудок свело резкой болью. Кип задумался, достаточно ли будет трех антиспазматических таблеток. Он взял четыре и запил их водой.

Время шло (кап).

Он почувствовал, как нарастает бессмысленное, паническое побуждение отвернуться, встать со стула, закрыть книгу. С этим чувством трудно было бороться, несмотря на то, что он знал, откуда оно появилось. Но Кип понял, что сможет перебороть его: процесс был понятен, и в этой борьбе был для него смысл.

Кип прикурил сигарету от окурка старой и продолжил чтение. Когда уравнения затуманивались и начинали прыгать перед глазами, или он ловил себя на том, что читает, не вникая в суть, он сурово возвращался назад и начинал читать этот отрывок заново.

Его желудок судорожно дергался. Он принял еще одну таблетку.

Его сердцебиение участилось. Он принял успокаивающее.

В носу засвербело. Кип чихнул, содрогнувшись всем телом. Он высморкался и опять чихнул. Его глаза увлажнились, ноздри наполнились слизью. Губы, горло и веки стали мгновенно распухать. Когда Кип понял, что вот-вот задохнется, он нашупал антиспазматическое и сушащее средства и принял тройную дозу.

Кипу становилось все хуже. Его нос был так забит, что он не мог дышать. Глаза просто бесполезно было вытирать, так сильно они слезились. Затем начало сжиматься горло. Дыхание вырывалось из него с хрипом и свистом. Кип не мог вздохнуть полной грудью. Он вообще не мог дышать!

Это было хуже, чем он себе представлял.

Чьи-то пальцы ощупывали его запястье. Он выпустил книгу и почувствовал, как в его ладонь вдавили что-то небольшое и твердое. Кип понял на ощупь, что это две маленькие таблетки. Он проглотил их, протянул руку опять и почувствовал в ней стакан. Слава богу, это была вода. Он больше не смог бы проглотить ни глотка колы.

- Кип, прости, пожалуйста... - откуда-то издали прозвучал голос Ангелики.

Очень медленно наступало улучшение. Когда Кип смог говорить, то произнес: "Спасибо, Ангел". Когда он начал видеть и более-менее нормально дышать, он снова взялся за книгу и начал с того места, где остановился. Он прочел одну фразу, сделал паузу, чтобы вдохнуть через рот, затем стал читать следующую фразу.

- (Кап) Следует отметить, что это выражение (3.091) положительно и не зависит от W . Оно равно половине логарифма отношения суммы (кап) средних площадей величин u и v к средней площади величины v . Если величина v имеет только небольшой диапазон изменений, то количество информации, относящейся к величине u , которое дает знание величины $u+v$, больше...

Началась головная боль. Одна большая доза метазона - все, что он отважился принять, с учетом всей той фармацевтики, которая уже сидела у него в организме, - разжала челюсти тисков боли настолько, что он мог снова думать. Но не более того.

Кип продолжал читать. Тепло от света лампы, которое он чувствовал на задней части шеи, переместилось на щеки и лоб. Оно росло. Кип подумал, что у него температура, но остальная часть его тела была по-прежнему холодной, к тому же у него не было ощущения легкости в голове и особой чувствительности кожи, которые возникают при повышенной температуре.

- Кип, твое лицо!

Он дотронулся до лба и почувствовал огромные волдыри, заполненные сывороткой, которые лопались под его пальцами. С волдырями ничего нельзя было поделать, да и боль была не очень сильной. Они досаждали ему ровно настолько, чтобы послужить подходящим отвлечением от остальных трудностей.

- Это означает, что группа преобразования, состоящая из операторов T , которые изменяют $f(t)$ в $f(t+\#)$, дает вероятность совокупного инварианта. Группа удовлетворяет свойствам (кап), которые...

Легкое дрожание мускулов началось в руках, в ногах, во всем туловище. Кип стал непроизвольно подпрыгивать на стуле, книга тряслась у него в руках, голова качалась, челюсть дрожала. Внезапная острая боль пронзила все его тело. За этим последовал взрыв идиотских эмоций: отчаяния, ненависти, бешенства, страха.

Кипу казалось, что у него отобрали тело. Он сам был где-то внутри, крошечный пассажир, пристегнутый к койке ремнями, связанный по рукам и ногам. Он отчаянно цеплялся за одну нить, ведущую к цели. Пока он не сдавался, буквы продолжали подпрыгивать на экране, и голос исполина, который уже не принадлежал ему, продолжал реветь, и стонать, и судорожно выкрикивать их значения. Но если он хоть на миг перестанет сопротивляться...

Экран потемнел.

Шок был достаточным, чтобы вернуть Кипа опять к нормальному человеческому размеру. Он выпрямился на стуле, замкнутый в темноту, чувствуя такой стремительный поток боли и отчаяния, который он никогда до того не испытывал.

Они пустили в ход козырную карту. Если он не может видеть, он не сможет читать. У него не было на руках карт, которыми можно было побить их козырь. С ним все было кончено.

Кто-то выдернул книгу у него из рук.

Напряженный голос начал читать:

- Например, для очень широкого класса функций f от t , для которых минус-бесконечность меньше, чем t , которое меньше, чем бесконечность, мы полностью определяем f , когда мы знаем набор множеств: триста семнадцать - а с подстановкой p равно интегралу между минус-бесконечностью и нулем от e

до t , от t до n , f от t , от t , где n равно нулю, единице, двум и так далее. Теперь предположим, что A - некоторая функция значений величины t в будущем, то есть для аргументов, больших нуля. Тогда можно определить одновременное распределение a нулевого, a первого и так далее до a с подстановкой n и A ...

Кип стойко держался в ревущей темноте, испытывая чувство благодарности. Напряжение в комнате медленно нагнеталось, как будто сжимался тугий кулак. Внезапно все одолевавшие его неприятности возросли до непереносимых размеров: боль, тошнота, зуд, - а затем, так же внезапно, все прекратилось.

Слепота исчезла. Кип был свободен.

И только тут он осознал, что голос, который все еще продолжал читать, принадлежал не Анжелике. Это был голос Нэнси.

- Они действительно ушли?

- Я думаю, что да, - ответил Кип, находясь все еще в оцепенении.

Он чувствовал себя как-то необычно изнутри; он не мог дать этому ощущению наименования, такого ощущения он еще не испытывал никогда. Он осмотрелся. Глаза Анжелики сияли, но он осознал - и это его странно шокировало - что он не испытывает от этого никаких особых чувств. Это было так, как будто... как будто ничто изнутри не подсказывало ему, что он обязан что-то ощущать. Это была забавная мысль. Неужели он раньше жил по подсказке?

Кип был слишком занят изучением себя изнутри, чтобы долго удивляться.

- Майор? - произнес он мысленно. - Дон Нобилио?

Ответа не было, только ощущение пустоты, немного напоминающее эхо в пустой квартире. Это было нечто специфическое. Он даже не был уверен, нравится ли ему это ощущение.

- М-м?

- Я сказала: прости, что я не смогла помочь тебе, - обратилась к нему Анжелика.

- То есть как? Ты ведь мне помогла! Разве нет? А таблетки?

Она с несчастным выражением на лице покачала головой.

- Я была за дверью. Прости. Кип, я хотела помочь, я думала, что смогу. Но это как раз то, чего я не могу выдержать. Я не выношу болезней и вообще любого...

Она посмотрела на Нэнси и отвела взгляд.

"Любого уродства", - мысленно договорил за нее Кип. Нэнси стояла с противоположной стороны стола все с той же улыбкой на лице, книга до сих пор была у нее в руках. Кипу хотелось, чтобы что-нибудь сломало эту улыбку. Улыбка показалась ему посторонним предметом, приклеенным к лицу Нэнси, причиняющим ей боль.

- Когда появились волдыри, я не смогла этого вынести, - продолжала Анжелика. - Теперь ты выглядишь намного лучше. Как ты себя чувствуешь?

- Хорошо, - ответил Кип машинально. - Послушай, Нэнси, я очень тебе обязан. Я имею в виду... Спасибо.

- Не стоит благодарности, - вежливо ответила Нэнси.

Что происходило у нее в голове? Она никогда ничего не делала случайно, все ее ответы были упорядочены и целенаправлены, они просто появлялись не из тех щелей, наподобие того, как бывает с автоматом, когда вы бросаете деньги, чтобы получить леденец, а в ответ - жевательная резинка. Кип знал, что было с ней не так, по крайней мере он знал, как это называется. Но наименование - это ведь только ярлык, полезный для идентификации и для сокрытия невежества. Что это такое? Психоневроз. Что такое психоневроз? Во это самое и есть.

Но что это такое на самом деле? Что может засесть у вас в голове и изменить все вокруг таким образом, что то, что случается с вами, или то, что вы делаете, подобно непередаваемой фразе на иностранном языке?

- Кип, что ты теперь думаешь по поводу жизни вообще? - спросила

Анжелика.

Он тупо посмотрел на нее.

- Жизнь вообще?

- Твоего дела и твоей работы, - сказала она.

Из ее тона было ясно, что она имела в виду совершенно другое.

- Я не знаю, - ответил он медленно. Он все еще ощущал эту странную пустоту внутри и чем больше он пытался определить ее каким-нибудь иным способом, тем более настойчиво это ощущение напоминало ему пустой дом: пустота, в которой вы ожидаете найти знакомый стол, или стул, или лампу.

- Я предполагаю, что теперь я могу делать все, что я захочу... Может, я снова вернусь в школу. Вечернюю.

- Чтобы таким образом получить степень, потребуется много времени.

Он удивился.

- Да? - а затем сказал: - Ах, ты имеешь в виду правоведение. Забавно, я даже не подумал об этом.

- Хорошо, а что же еще?

- Существует масса вещей, которые я раньше не считал нужным вносить в свои планы. Психопатология, социология, сравнительная литература и этот курс по истории кино... Меня не интересует правоведение, у меня нет на него времени. Я делаю свой выбор слишком поздно.

- Но ты все равно можешь заняться им, Кип. Мой босс сдал экзамен на звание адвоката, когда ему было сорок лет! Если ты сильно захочешь...

- Но в этом-то все и дело, - ответил Кип. - Я не хочу.

- Ты не хочешь?

- Нет. Возможно, меня подтолкнуло к юриспруденции какое-то из детских впечатлений. Поклонение герою. Мой дядя Остин был довольно известным судебным юристом. Помнишь, это тот, о котором я тебе говорил.

- Тот, который упал с лестницы, - произнесла Анжелика невыразительно.

- Да, он... Ох-хо-хо.

- Что случилось?

Кип дважды моргнул, прежде чем смог опять сфокусировать глаза.

- А ничего, за исключением того, что я сейчас припомнил. Именно после того, как дядя Остин упал с лестницы, у меня появилось огромное неудержимое желание стать юристом. Сразу после того, прямо в этот же день. Я помню, что я почувствовал все благородство этого желания - вроде я собираюсь подхватить знамя, которое он выронил... Господи боже!

- Я не понимаю, - сказала Анжелика.

Он посмотрел на ее хорошенькое, нетерпеливое личико и на замороженное лицо Нэнси.

- Предположим, когда дядя Остин умер, вся банда его духов переместилась в меня. О, Господи, неужели так появляются все юристы? Я всегда раздумывал над этим... В тот год мне было, наверное, лет четырнадцать. А затем на протяжении восьми лет... подождите минутку, я должен подумать.

Он сжал виски, затем продолжил.

- Единственное объяснение, которое имеет смысл, - то, что такое случается с людьми гораздо чаще, чем я думал. В четырнадцать во мне поселилась одна банда. Судя по тому, что я теперь знаю, могли быть и другие, но предположим, что других не было. Возможно, до половой зрелости подросток не представляет для них интереса - слишком мало сексуальности, слишком все чуждое. Можно было бы решить, что период наступления половой зрелости сама по себе должен отпугивать их. У меня в душе творилось такое...

Его глаза расширились. Он непроизвольно глянул на Нэнси, затем покачал головой.

- Нет, этого не может быть. Это означало бы, что они есть в каждом из нас - тогда дела совсем плохи. В любом случае, через восемь лет... нет, скажем, через шесть, или семь... я помню что майор говорил о том, как долго пришлось им приводить меня в норму... - Он скорчил гримасу. - Скажем, через шесть лет, значит мне уже было двадцать и это был год, когда

я впервые серьезно влюбился. Можно спорить, что это знаменует другой уровень, не менее важный, чем юность. В любом случае, теперь я понимаю все это именно таким образом. Столкновение групп, первая команда духов уходит или ее вышвыривают, и тогда появляется другая. Вопрос в том...

- Скажи, что ты собирался сказать перед этим, - перебила его Нэнси. - Это было нечто обо мне?

- Нет, не о тебе, Нэнси. Мне пришла в голову ужасная мысль: что, если все происходит наоборот?! Что, если это вселение новых жильцов служит причиной всего: и кожных болезней, и эмоциональных срывов, и так далее. Вселение, а не выселение! Но я надеюсь, черт побери, что это просто дикая мысль, за которой ничего нет, потому что... О, нет! Только не это!!

Анжелика вскочила и сделала шаг к нему. Обе девушки уставились на него, и в их взорах читался вопрос. Кип уже не смотрел на плечо, но все равно слышал тоненькие голоса, бормотавшие и пищавшие на нем - это напомнило ему мышиную возню за стенкой дома.

- Семеро, - обреченно произнес Кип. - Уже другие.

4

- Ты обнаружил что-нибудь? - спросила Анжелика.

Кип закончил наливать третью чашку кофе и поставил ее на поднос.

- Кое-что, - ответил он. - Не очень много. Он поискал глазами столовое серебро, нашел и взял по три предмета каждого вида. - Еда может остыть, пока мы донесем ее наверх.

- Да, но ведь ты не хочешь съесть все это здесь, внизу?

Он посмотрел на спины двух поваров, на девушку, готовящую салаты, на официантку - все они столпились на другом конце кухни.

- Нет. Полагаю, что нет. Итак, яйца, тосты, кофе, молоко... Да, как насчет чертова сухого завтрака для Нэнси? А, вижу, ты его взяла. Тогда пойдем.

С трудом придерживая плечом раскачивающиеся двери, ведущие в полупустую столовую, они вышли. Вчера вечером им показалось, что гостиница будет очевидным ответом на их проблемы. Как они обнаружили, карантин Кипа все еще продолжался - вообще непонятно было, отменяли его когда-нибудь, или нет. А в квартире Кипа для всех троих места не было. Они проехали по окраинам Лос-Анжелеса и стали просматривать списки комнат, пока не набрали на место, где были пустые апартаменты на третьем этаже. Все, что им надо было сделать затем - это взять ключ из ящичка за спиной ничего не замечающего администратора и подняться наверх.

Единственной проблемой было то, что для занятого таким образом жилья не предполагалось никакого обслуживания.

Они не могли вызвать лифт, разве что ждать, когда кому-нибудь понадобится подняться на их этаж. Но до сих пор они даже не пытались так поступить. Им все равно неприятно было находиться рядом с другими людьми, во всяком случае Кипу и Анжелике. Если Нэнси и воспринимала нынешнее их положение тяжелее, чем свою обычную жизнь, то по ее поведению этого нельзя было заметить.

Когда Кип и Анжелика вернулись в квартиру, они почувствовали себя гораздо уютнее. Гостиная была тихой и надежной, стены отгораживали ее от внешнего мира; здесь царил дух кораблекрушения или конца света, но по крайней мере все трупы находились вне ее стен.

Яйца были холодными, но кофе оказался приятно горячим.

- Кип, можешь ты сказать что-нибудь? - спросила Анжелика.

Кип, который не спал эту ночь, раздраженно почесывал заросшую щетиной щеку. Он прихватил с собой бритву, но не испытывал ни малейшего желания заглядывать в зеркало.

За ночь его население увеличилось до девяти особей.

- Двух новых зовут Том и Клифф, - ответил он, - я о них практически

ничего не знаю, за исключением того, что они братья. Теперь об остальных. Паппакостас был торговцем вином. Он поет гимны на греческом, но я не думаю, что он поет их так, как положено; допев, он смеется как черт. У Берка было автомобильное агентство, он ненавидел свою жену. Он только об этом и говорит. Шлейзер содержал бильярдную, где заключались пари, а еще у него хобби - лошади. Отли работал на телефонную компанию, все время говорит о женщинах. Левинсон был офсетным съемщиком, не знаю, что это за специальность. Это не связано с карикатурой, это, по всей видимости, имеет отношение к коммерческой литографии. Леверинк - ювелир, тот, который делает кольца, а не тот, который продает их. Обычно гонял голубей.

Анжелика ждала.

- Это все?

- Всего девять, - сказал Кип и так вцепился челюстями в кусок тоста, как будто это была чья-то глотка.

- Но неужели это все, что ты знаешь о них? Извини меня, но мне кажется, что этого недостаточно.

- Согласен.

- Ты должен вычислить, что им не нравится.

- Правильно.

- Как ты думаешь, сколько времени это займет?

Кип опустил вилку.

- Я не знаю, - сказал он очень сдержанно. - Они не любят друг друга, по крайней мере большинство из них. Но это мало нам помогает. Предыдущий раз не было проблем, потому что они выдрессировали меня так, что наши интересы совпадали. Что им не нравилось, мне не нравилось тоже. Может, должны пройти месяцы или годы, чтобы сложилось такое положение вещей. Я не знаю. Я выбился из сил, стараюсь придумать способ...

- Они не похожи на интеллектуалов. Разве чтение книги не сработает вновь?

- Пробовал вчера вечером. Бесполезно. Или чтение просто никак не трогает их, или одного воздействия для них недостаточно, их необходимо поразить полудюжиной каких-либо воздействий, которые они ненавидят больше всего - причем одновременно.

Нэнси деликатно промокнула губы бумажной салфеткой и спросила:

- А почему бы тебе просто не перепробовать уйму всего?

Кип с Анжеликой успели забыть, что Нэнси здесь. Кип уставился на нее.

- Это идея, - ответил он осторожно. - Пойти в зоопарк, выпить пива, прокатиться на автобусе, понюхать цветы, посмотреть на полицейского... Почему бы и нет?

- Мороженое и пикули, - сказал Кип мрачно и вычеркнул эти наименования из списка. - Теперь что?

Они сидели на обочине улицы и размышляли над списком. Список был длинным: пиво, полицейский, цветы, автобус, концерт, музыкальный автомат, зоопарк, лекция, церковь, изысканная кухня со специфическими блюдами для знатоков, чау-мейн из китайской кухни, мексиканская кухня... Большинство пунктов было вычеркнуто; возле некоторых стояли знаки вопроса.

У них была одна удача, рано утром. Полстакана популярного алкогольного напитка, который по вкусу напоминал подслащенный виноградный сок, сделали Кипа совершенно больным. Он продолжал пить эту гадость между спазмами, одолевающими его, а в это время Анжелика пела псалом "Kyrig Eleison", и когда бутылка была выпита до дна, исчез Паппакостас, торговец вином.

Но с остальными, по-видимому, все было не так просто.

- Ну, я полагаю, ты уже достаточно съел всего и выпил, - отметила Анжелика. - Как насчет того, чтобы попробовать шумовые эффекты? Паровозный заводик, например.

- А ты знаешь, где находится хотя бы один из них?

- Нет, но здесь много авиационных заводов.

Итак, они решили попробовать авиационный завод. Они шли по длинному проходу под лампами, которые превращали розовый цвет их кожи в пурпурный, от чего лицо Нэнси стало таким, что на него можно было посмотреть только однажды; прошли мимо ограждения, за которым молодая негритянка пробивала аккуратные дыры в алюминиевых штампованных заготовках; прошли мимо большей территории, где двое мужчин и девушка, одетые в спецодежду, что-то делали с частично собранным крылом самолета; прошли кабинет, где полный мужчина быстро передвигался вразвалочку от станка к вертикальному ряду слесарных пил, расположенных в другом конце комнаты, и обратно; прошли будку охранника, внутри которой за барьером сидел полицейский с лягушачьим лицом.

Анжелика остановилась и взгляд ее стал задумчивым. Она сказала что-то, чего Кип не расслышал в жутком шуме.

- Что?

- Здесь, должно быть, находится экспериментальный отдел проектирования, - прокричала она Кипу в ухо. - Сверхсекретный.

- Полагаю, да.

Он хотел продолжить путь, но Анжелика придержала его за руку.

- Кип, мы могли бы проникнуть туда.

- Возможно. Но для чего тебе хочется туда попасть?

Она посмотрела на него с раздражением.

- Мне вовсе не хочется. Я просто подумала... не знаю, почему я никогда не думала об этом раньше...

Кип ждал, но она, казалось, забыла о нем. Он тронул ее за плечо.

- Кип, ты можешь обойтись без меня несколько часов? Ну можешь?

- Да, но что насчет сверхсекретности...

- Кип, послушай. Я знаю, ты собираешься вскоре одержать верх над этим всем, и тогда карантин закончится. Но я не могу отказаться от такой возможности! Должно быть, я просто ослепла на какое-то время, просто зла на себя не хватает. Разве ты не понимаешь? Если я смогу обнаружить, что Магнусон и Свини собираются делать на собрании Совета в четверг, это будет так много значить! Ничего, что я уйду? Я встречу с тобой в гостинице вечером, хорошо?

- Конечно, - ответил Кип, стараясь не обращать внимания на сосущее чувство пустоты внутри. - Эй, подожди, - ты не хочешь взять мою машину?

Она заколебалась, затем взяла ключи.

- Хорошо. Ну... Ты можешь уехать отсюда на автобусе. До встречи!

Она стала почти бегом удаляться по проходу. Люди отступали, когда она пробегала мимо.

Кип не хотел оставаться один на один с Нэнси в гостиничном номере, поэтому он повел ее в длинное путешествие по Бродвею, затем вниз по Спрингс, останавливаясь через каждые несколько ярдов, чтобы испытать еще что-нибудь, хотя он чувствовал себя разбитым от всего этого и не возлагал больше надежд на все эти испытания. Они прошли по магазину дешевых товаров, ощупывая ножевые изделия и инструменты, рассматривая золотых рыбок, нюхая косметику. Они пробовали есть апельсины и осматривать фальшивую бижутерию, они застряли минут на двадцать в кино, где показывали Бетти Грейбл, просмотрели последние номера "Таймс", "Миррор" и "Крисчен Сайенс Монитор", побывали в гараже, чтобы вдохнуть его запахи, и в танцевальном зале ради его шума, наблюдали за Эдвардом Р.Марроу по телевизору и приласкали бездомного кота. На все это ушло два часа, но ничто не привело к улучшению. Когда они вернулись в номер, Анжелики все еще не было.

Кип вынес из своей комнаты Гидеонову Библию и прочел Нэнси вслух половину главы о том, как Авраам родил Исаака, и так далее, потому что был в совершеннейшем отчаянии. Потом он прочел немного из книги Левит, потому что когда-то его забавляли эти отрывки, и плач Давида по Ионафану, потому что ему нравилось это место. Сразу после полуночи появилась Анжелика.

Она раззурмянилась, и глаза ее сияли. Она выглядела так, как будто сыграла три сета в теннис в быстром темпе и проплыла мило. У нее был вид,

как будто она приготовилась, не издав ни одного тяжелого вздоха, собирать убийственные взгляды женщин на вечере с коктейлями.

- Как все прошло? - поинтересовался Кип.

Она села рядом с ним на кушетку, не так как сделало бы это большинство женщин - в три стадии, причем каждой предшествовал бы быстрый предусмотрительный взгляд на место, которым гордятся, а сразу, тяжело, как всегда такая же уравновешенная и уверенная в себе, как брошенное метательное ядро.

- Это было чудесно. Я не смогла обнаружить местонахождение Свини; похоже его нет в городе. Но я нашла Магнусона, который разговаривал с Вэйсом, и я знаю, что они собираются встретиться со Свини завтра утром. И я знаю, где. Как у вас дела?

- Не так хорошо, как у тебя.

- Прости. Но у тебя все получится завтра, я знаю. Как только я вернусь, мы будем причинять им неприятности вместе. Это не займет много времени. Ты веришь, Кип?

- Конечно.

- Если мы начнем сейчас, - произнесла Нэнси, не обращаясь ни к кому в отдельности, - то это будет быстрее.

Анжелика посмотрела на нее, нахмурившись, и повернулась к Кипу.

- Я должна была объяснить раньше, но не было времени. Возможно, это звучит очень глупо, но это собрание в четверг - это не обычная сессия Совета, вся предвыборная компания зависит от него. И оно очень важное, вернее, может стать таковым. Как ты себя чувствуешь? Тебе очень плохо? Можешь ты продержаться до завтрашнего полудня?

Для Кипа становилось все труднее выслушивать длинные предложения; он был похож на человека, который пытается вслушиваться в телефонный разговор в разгар шумной ссоры субботним вечером. "...приходит ко мне, бормоча, с сигарой в руке... бормочет хорошо нализавшийся, и я хватаю ее за... второй раз, ты понимаешь, дважды подряд, бормочет, а я не выношу этого бормотания..."

- Все нормально, - ответил он. - Завтра, так завтра.

- Ты уверен?

- Уверен.

Анжелика пошла спать, предполагая завтра подняться и начать действовать пораньше, а через несколько минут вышел и Кип, но не спать. Он слышал, как двигалась в ванной Нэнси, затем ее дверь закрылась и установилась тишина: плотная, приглушенная тишина, которая характерна для гостиниц ночью. Эта тишина глубже, чем где-либо, так как строится слой за слоем из звуков, слишком слабых, чтобы их можно было слышать.

Внутри него опять раздавались голоса, громкие на таком фоне, и он лежал, слепой в темноте, прислушиваясь к ним. Как долго у него хватит сил жить так? После месяца или года такой жизни, если она вообще продлится так долго, можно ли привыкнуть к этому внутреннему трепу, чтобы не слышать его совсем?

Казалось, это не имеет большого значения. В его мозгу происходило медленное перемещение и обустройство, которое закончилось проблеском осведомленности с одной стороны и болью с другой. Боль была здесь, достаточно близко, чтобы дотронуться, и такой же неприятной, как всегда, но было такое чувство, как будто он смотрит на нее через окно. Или как будто он смотрит вниз, в темные глубины океана...

Кип смутно осознал, что начало действовать успокоительное, которое он принял. Затем он поплыл по течению, поворачиваясь медленно в пространстве, в то время как его очертания таяли и расплывались, и темнота вливалась в него, пока они не стали единым целым.

Он медленно начал пробуждаться, в его мозгу застрял фрагмент сна. Какое-то мгновение он думал, что все еще спит и что раздававшиеся голоса были частью его сна, так как они разговаривали о блондинке. Но яркая, жаркая картина исчезла, растворилась, а голоса остались.

- ...(сдавленный смех) парень, что за пара... как бы вам понравилось

(смех)...

Кип запутался в постельном белье, и был весь липкий от пота. Воздух был холодным и свежим. Окна казались продолговатыми серыми нишами на черном фоне. Должно быть, скоро наступит утро.

Они подсматривали мой сон, подумал он, и внезапно ему стало так тошно, что он больше не мог переносить звуки их голосов. Он вызвал конкурирующий шум у себя в голове: песни, всплывшие воспоминания о маршах Суза, толпы на футболе, кегельбаны и тому подобное. Постепенно голоса стихли, но он цеплялся за воспоминания, более связные и более яркие, ожившие теперь: после полудня в субботу, воздух бодрящий и холодный, дешевые места для зрителей, масса лиц... футбольный мяч медленно падает вниз, голубое небо над стойкой ворот... Эвелин Несбит, сидящая напротив него в Грог Шоп... Мери Клайд, маленькая брюнетка, с которой он встречался в Сноквальми... и Анжелика. Анжелика. Анжелика...

Кип стоял босой возле кровати, его пальцы сжимали выключатель от лампочки, висящей над кроватью. Он моргал от внезапного теплого света.

Как насчет этого?

Он обнаружил, что думает об Анжелике, спящей в соседней комнате. Не о той Анжелике, которая имеет в виду именно "нет", когда говорит "нет", и никогда не будет стесняться, произнося "да", если она имеет в виду именно это; и не об Анжелике, страстно увлеченной политикой, но просто об Анжелике, мягкой и теплой, спящей в темноте.

Это было неправильно. Не потому, что так говорится в каждой книге, но потому что таких отношений никогда не было между ним и Анжеликой, и, по всей видимости, теперь уже не будет.

И даже теперь, осознал Кип с ужасом и стыдом, его это не заботило.

Он не беспокоился, что она будет бороться. Его не волновало, будет ли она кричать.

Внутри него установилась тишина ожидания, и от этого почему-то было еще хуже. Было бы легче, если бы они разговаривали с ним, убеждая его, исподволь внушая свои пакости; тогда бы ему помогла злость на них.

Кип оцепенело нагнулся, нашел свою одежду и начал одеваться.

В дальнем конце гостиной горела одна лампа. Кто-то стоял на коленях перед ней. Острый клин света падал на рыжие волосы: Нэнси. Кип попытался тихо пройти мимо нее, но она обернулась, прежде чем он дошел до двери.

- Кип? - Она неуклюже поднялась и подошла к нему. Платье свободно болталось на ней, неподпоясанное и незастегнутое. Она увидела его лицо и остановилась. - В чем дело, Кип?

- Ни в чем.

Он открыл дверь. Голоса стали слышны вновь. Это было невыносимо - он-то даже не обратил внимания, что под платьем у Нэнси ничего не было, зато они заметили... Он хлопнул дверью в ответ на ее вопрос: "Куда ты идешь?" и сбежал по лестнице.

Слабый розово-жемчужный свет начинал пробиваться над верхушками зданий на востоке. Под светлеющим небом лежал город, холодный и серый. Кип задержался на минутку, засмотревшись на оборванного человека, спящего возле дверей. Интересно, кто-нибудь внутри него тоже подсматривает его сны?

За ним по тротуару застучали каблучки. Он обернулся. Это была Нэнси. Она задержалась, чтобы надеть туфли и пальто, и она что-то держала под мышкой.

Нэнси остановилась в нескольких футах от него и стало ясно, что она несла. Это был плащ Кипа, свернутый в узел.

- Я подумала, что тебе понадобится вот это, - сказала она нерешительно.

- Спасибо.

Она стояла, ожидая, и он понял, что она не собирается поднимать скандал или идти за ним, если он попросит ее не делать этого.

- Ты действительно хочешь мне помочь? - спросил он.

Она серьезно кивнула.

- Я пытаюсь это делать.

- Хорошо. Пошли.

Она шла рядом с ним быстрыми, мелкими шагами.

- Куда мы идем?

- Мы ищем ящик, - объяснил он и продолжал идти, размахивая руками, сжатыми в кулаки, а кровь ритмично пульсировала у него в висках, и в этом ритме ему чудилось: "Анжелика... желика... желика..."

Им долго пришлось бродить боковыми аллеями, пока Кип нашел то, что хотел; тяжелый упаковочный ящик в неполных пять футов высотой и около 20 дюймов шириной. Он забрался в него, чтобы убедиться, что он в принципе это может сделать, и Нэнси наблюдала за ним округлившимися глазами, но не задала ни единого вопроса.

Когда он поставил ящик на середину ковра в гостиной и выпрямился, он только теперь обратил внимание на то, что его рюкзак открыт и все вещи, которые находились в нем, разбросаны в беспорядке по полу, кроме одной. Поднос для воскурений, который он вчера приобрел в аптеке, лежал на конце стола под лампой. Это был дешевый кусок штампованного, покрытого черной эмалью олова, скорее всего сделанный в Бруклине, а на его ободке была прикреплена покрытая золотистой краской статуэтка коровы.

Позолоченная корова.

Или золотой теленок.

Он повернулся и посмотрел на Нэнси.

- Ты же не...

- Я молилась всем, кому могла, - сказала она.

В этих застывших глазах была боль, такая глубокая и такая большая, что ему стало больно смотреть в них, но он не мог отвести взгляд.

Он положил руки ей на плечи.

- Нэнси...

- Но никто не ответил мне. Или я не расслышала?

Он отпустил ее.

- Нет, - сказал он, - я полагаю, они не ответили.

В комнату вошла Анжелика, свежая и порозовевшая, застегивая пояс платья. Ее выражение слабого удивления превратилось во что-то более острое, когда она увидела ящик.

- Кип, а это для чего?

- Обычная вещь, - пояснил он. - Я больше не могу ждать, Анжел, - вчера вечером я думал, что смогу, но теперь все гораздо хуже. Я даже не могу тебе описать, насколько все плохо. Это должно произойти сейчас. Прости.

- Ты... - начала она и прикусила нижнюю губу. - Хорошо, если положение дел таково, то конечно, Кип. - Она опять посмотрела на ящик. - А что ты собираешься делать с этим?

- Просто забраться в него и находиться там, - произнес он напряженно, - пока эта банда духов не уберется. Или пока я не умру.

- Но ты же не знаешь, сработает ли это...

- Сработает. - Он изогнулся и втиснулся зигзагообразно в упаковочный ящик. Ящик был достаточно велик, и Кип помещался в нем, если нагибал голову и сгибал колени; он не мог присесть в нем и не мог стоять. - Это как раз то, о чем я забыл, наверное, просто не хотел помнить. Некоторые вещи никто не любит, за исключением мазохистов, а я не отношусь к ним. Старая формула. Бичевание. Дыба, тиски для больших пальцев, пытка водой. - Он постарался улыбнуться. - Это то же самое, только более современный подход. Дешевле, а по эффективности то же самое.

Он добавил:

- Эта операция продлится определенное время, так что если тебе нужно уйти...

Она заколебалась, глядя на него здраво и озадаченно.

- Кип, я себя чувствую гадко от того, что я должна уйти... Но я вернусь, - сказала она, поворачиваясь, - и постараюсь это сделать как можно скорее.

Она оделась и вышла в течении пяти минут, а затем в комнате установилась полная тишина. Нэнси села на кушетку, поставив ноги вместе, а руки положив на колени, и наблюдала за ним, ничего не говоря. Кип скрючился в ящике.

После первой же минуты нахождения в ящике его колени и задняя часть шеи начали ныть. Его голова была зажата в угол между верхней и боковой частью ящика; он мог ее немного опустить, но не мог поднять; его колени были опущены настолько, насколько это можно было сделать в таком узком пространстве.

Позже боль переключалась в плечи и грудь. Складывалось такое впечатление, будто ему на грудь положили тяжелую металлическую плиту; он мог ощущать ее вес при каждом вздохе.

Следующими были лодыжки. Он мог немного перемещать ноги, но каждое изменение позиции давало облегчение только на несколько секунд; затем резкая боль сводила каждую лодыжку еще сильнее, чем до этого.

Затем начались судороги: в икрах, в бедрах, в груди, в паху.

Он дышал с затруднением, короткими, резкими вздохами. В его сжатой груди сердце неритмично трепетало, как пойманная птица, а кровь стучала в висках так, как будто вот-вот вырвется наружу. Тяжесть в голове и плечах была прямо Атлантова, как будто он держал на себе весь мир.

Внутри него какой-то голос все время нашептывал: "Достаточно, ты попробовал, ты сделал все, что мог. Оставь это, ты не можешь ничего поделать с этим, хватит. Никто не может делать с собой такое." Его тело выгибалось, рвалось наружу. Было бы так легко... "Конечно, легко", - нашептывал голос, - "только попробуй..."

Но глубоко внутри себя он нашел нечто, на что он смог опереться. Он немного повернулся, что означало, что он остается в ящике, вместо того, чтобы выйти из него. Попытка продолжалась.

После длительного периода мучений к нему подошла Нэнси и обтерла его лоб холодной, влажной тряпочкой. Он покосился на нее.

- Все в порядке? - спросила она.

- Конечно, - слабо ответил он. - Нэнси...

- Что, Кип?

- Зажги сигарету.

Она отошла, затем подошла с сигаретой. Он заметил, как дрожат ее пальцы, когда она подносила спичку к сигарете. Она держала зажженную сигарету, и это было то, чего ему в данный момент хотелось больше всего на свете.

- Я передумал, - сказал он. - Ты выкуришь ее.

Через какое-то мгновение она хотела отойти от него, но он попросил:

- Останься здесь. Выкури ее здесь.

Он наблюдал, как светится кончик сигареты, как клубится дымок, голубой возле горящего конца сигареты и туманно-серый, когда она выдыхала его. Он вдыхал сигаретный дым и его подвергаемое пыткам тело стало корчиться от мук голода. Нэнси докурила сигарету почти до конца, и только тогда он позволил ей наконец отойти.

Новая мысль пришла ему в голову сквозь боль и жажду, и он дал Нэнси новые указания.

- Принеси бутылку ржаного виски. Нет, пять бутылок. И две кварты пива. Действуй.

Ее юбка зашелестела, когда она уходила. Кип пробормотал:

- Попробуем алкогольное отравление. Выдержу все. Останусь здесь навсегда, напившись.

Ее долго не было.

Нэнси влетела торопливо, хлопнув дверью, и со звоном поставила бумажный пакет на ковер, тяжело дыша. Она посмотрела на него, ничего не говоря.

- Открой пакет, - скомандовал он.

Она вынула бутылки и поставила их в ряд. Она опять опустила руку в пакет и достала открывашку для бутылок.

- Нет, - сказал Кип и остановился, чтобы перевести дыхание. - Разбей их.

Минуту она смотрела на него, а затем взяла по бутылке в каждую руку. Вытянув руки, чтобы держать бутылки подальше от юбки, она ударила их друг о друга. В пятой она отбила дно; виски брызнуло ей на лодыжки. Она отбросила то, что осталось от бутылки, взяла пиво и ударила бутылку еще сильнее. Полетело стекло; Кип слышал, как кусочек стекла застучал внутри ящика и увидел каплю крови с внутренней стороны лодыжки Нэнси. Она не заметила ее. Она смотрела на бутылку, которая еще осталась целой, взяла открыватель и вскрыла пробку, затем перевернула бутылку и держала ее так, пока пиво не вылилось на ковер.

Кип невольно закрыл глаза. Когда он заставил себя открыть их вновь, пенная масса уже впиталась в ковер. Пахло как на винокуренном заводе или пивоварне; везде валялись неровные осколки стекла и мокрые клочки бумажного пакета. На ковре было сплошное месиво, и даже более того - это была чистая инстинктивная квинтэссенция трагедии. Отобранные конфеты, утопленный котенок...

Мусор, мусор...

Горячие слезы брызнули у него из глаз. Затем он почувствовал спазм ярости; затем ничего, кроме медленных волн ощущений, которые раскачивали его онемелое тело.

Кто-то тряс его за плечо.

- Кип, Кип!

Он заморгал и прищурился.

- Что?

- Ты заснул.

- Это хорошо. - Он был в состоянии, как будто ему что-то снилось - нечто томно-приятное, которое уплывало из него теперь, как мыльные пузыри. Опасность. Эта ожидающая тишина внутри него... Он потер ладонями лицо. - Нэнси, дай таблетку. Маленькую, беленькую.

- Подожди минутку. - Она вернулась с таблетками, с двумя, стаканом воды и соломинкой, которая Бог весть откуда взялась - наверное, она принесла ее вместе с пивом.

Свет на улице постепенно становился все ярче. Сколько времени он пробыл в ящике - два часа? Три? Когда-то люди переносили такие пытки днями, без перерывов. Если они могли вынести эти пытки, то и он сможет.

"Я останусь здесь навсегда, - сказал он им. - "Если вы уйдете и вернетесь, я опять залезу в ящик. Пока вы будете оставаться во мне, то, пока я буду жив, я буду подвергать себя этим мукам".

Возникло ощущение давления внутри него... и еще чего-то, какое-то движение близости. Это тревожило; он напрягался, чтобы ощутить, понять, что это такое, но не мог.

Давление росло.

- Хорошо, молокосос, - сказал один из голосов.

Что-то взорвалось, затем Кип ощутил резкий, сильный порыв нематериального движения.

Вторая группа жильцов исчезла.

И тут же появилась третья.

Когда он так набирался, как теперь, он мог, конечно, все еще слышать голоса, но они были очень далекими и он не должен был их слушать. Он видел маленькие голубые лица, невинно и гневно что-то говорящие время от времени, когда он забывал о них и смотрел в зеркало над баром. Им очень не нравилось то, что он не слушал их, но тут уже они ничего не могли поделать. Они хотели, чтобы он был пьян, по крайней мере так хотело большинство из них, но им не нравилось, что он при этом становится

несговорчивым.

Забавно, раньше он никогда не любил напиваться. Он мог это сделать, может быть, один или два раза в году, потому что это ему не нравилось. Теперь это был образ его жизни, с высоким тонким пением в ушах и мозгами, легкими, приятными и яркими, как сумасшедшая звезда.

И выпивка была бесплатной, потому что никто вообще не замечал, что он здесь.

Кип подавился и выплюнул недожеванный арахис прямо себе на куртку, на старое пятно от спиртного. Он автоматически стряхнул его, отмечая, какими тонкими стали его пальцы. Он сильно похудел за несколько последних дней, и его вещи смешно висели на нем. И он не беспокоился о том, чтобы побриться, или помыться, и это было теперь для него нормально. Это было прекрасно, потому что когда он забывался и смотрел в зеркало над баром, он видел там лицо, которое не мог узнать, это было лицо какого-то другого парня с этими маленькими голубыми монстрами, разместившимися у него на плечах.

Единственной проблемой было...

Единственной настоящей проблемой было...

Единственной проблемой было то, что не с кем было подраться. Именно это. Именно этого голоса хотели от него больше всего, а он не мог, потому... Хорошо, ну что за удовольствие бить кого-то, кто даже не знает, что ты находишься здесь, и не может дать отпор? Это называется - удить рыбу в бочке. Кип мог безнаказанно сбить с ног любого. Этот огромный парень в кожаной куртке, сидящий спиной к бару, вертел в руке стакан, как наперсток. Кип мог стать прямо перед ним, и отвесить ему оплеуху, и опрокинуть содержимое стакана ему на куртку. Но он не будет этого делать.

- ...ударь его, все равно ударь этого вшивого...

- Заткнитесь.

Была и другая проблема, но Кип уже не помнил, что это за проблема. Он не хотел помнить о том, что он не хотел знать о ней, вот в чем было дело. И это срабатывало прекрасно, потому что, когда он был так сильно пьян, он не мог помнить, что это такое, что он не хочет помнить о том, о чем он не хочет знать. Только время от времени это волновало его и это имело отношение к...

Никогда не вспоминай о ней.

Кто это она?

Это несущественно.

В любом случае пора выбираться из этого поганого кабака. "Разбей зеркало". Вот это правильно! Он взял бутылку с пластиковым горлышком, все еще тяжелую, так как он глотнул из нее всего только четыре раза, и запустил ее в красивую звезду из белого стекла. Среди бутылок пошло как бы эхо от трескающегося льда: цок-цок-цок... Он увидел, что все головы в комнате как по команде повернулись в ту сторону. И это было то, что надо. Он покинул это место, довольный тем, что всегда находится словно в островке чистого пространства посередине толпы, куда бы он ни направлялся. И мокрая после дождя улица была все такой же темной в промежутках между холодными фонарями, и такой же убогой и тоскливой, как была она и раньше.

Пусть себе ломают головы.

Он шел по улице, заглядывая в бары, но в них во всех висели уже разбитые зеркала; так он помечал их, чтобы не заходить в один и тот же паршивый кабак дважды. Если они вешали новое зеркало, ну что же, он мог пропустить у них несколько стаканчиков и опять разбить зеркало. Но потом они стали просто снимать разбитые зеркала и не вешать новых, и ему стало не хватать баров.

Варьете через дорогу было закрыто; это было то самое, в котором он прошлый раз бросал яйца, а затем пришел на следующий вечер и лил зельтерскую воду на девочек и бесчинствовал, потому что они должны были показывать что-нибудь лучшее, а не это поганое, неряшливое представление. Варьете, расположенное выше на квартал, все еще работало, но он видел их представление и оно было ненамного лучше. Мир катится собакам под хвост. Варьете с тремя дряблыми стриптизерками, из которых каждая настолько

стара, что годится следующей в матери, господи Боже! И крошечная порция виски за полдоллара. А вот раньше можно было заплатить никель и глотать прямо из шланга, и человек, который умеет задерживать дыхание, мог отвалиться от шланга только будучи уже в доску пьяным. И не с кем завести честную драку.

Он прошел мимо двух полицейских, идущих парой и свирепо смотрящих в другую сторону, а затем через полквартила еще мимо двоих. Здесь располагался магазин, в котором продавали грязные журнальчики, сейчас он был заперт на висячий замок. Здесь он учинил бумажную снежную бурю. А вот магазин пластинок, в котором он разбил все пластинки. На окне ломбарда были закрыты ставни, а было время, он видел здесь наручные часы, как раз такие, как хотел, и где, к черту, эти часы теперь? Он ощупал свое костистое запястье. Ничего нет. Он, наверное, бросил их в канализационный люк или еще куда-то.

Забавляются. В этом чертовом городе никогда не было ничего хорошего. Кучка откровенной деревенщины в цветных рубашках - дай десятицентовик за большинство из них, еще получишь два цента сдачи. Лучше всего было махнуть на каботажном судне во Фриско или Сиэтл. "Как теперь насчет киностудий? Пойдем-ка посмотрим на звездочек..."

Нет. Думаете, я не знаю, когда это не мои мысли, а ваше нашептывание? Вам не нравится, что я делаю, так убирайтесь к черту, куда угодно - я больше не запоминаю ваших имен. Что я вам - вшивая транзитная гостиница?

Да.

Дешевая гостиница? С грязью в дюйм толщиной на старых кривых перилах и чертовски ободранными обоями, и с запахом тараканов?

Да, да. Вот, что я такое. А вы все - куча бездельников, еще худших, чем я.

"Если бы не этот карантин, он мог бы многое сделать, однако он здорово..."

В этих словах нет смысла. Если это не вы, парни, устраиваете карантин, то кто тогда?!

Молчание.

Они не ответят. Боятся чего-то. Упрямые. Нецензурным на вас. Теперь ссорятся друг с другом, как всегда, пятнадцать или двадцать, все сразу, прямо сводят человека с ума, если человек не постарается хорошенько, чтобы не слушать их. Накипь мира. Накипь мира.

Кип услышал резкий голос, поющий что-то, и уловил мелькание чего-то покрытого серебряными блестками впереди на улице. Этот кто-то шатался на ходу и пел: "...Хорошая девчонка, как..." Это, должно быть, Нэнси, а ему прямо сейчас не хотелось видеть Нэнси. Да и вообще, сколько можно? Он и так навидался Нэнси слишком много. Кип повернул направо за угол и пошел в темноту. Постепенно толпа рассосалась, и звук его одиноких шагов отражался от стен домов под холодной звездой.

И он опять начал слышать голоса.

Кип увидел свет и пошел на него. Это была пустая бильярдная, где четверо парней играли в карты под одинокой лампочкой без абажура. Он некоторое время развлекался тем, что давал непрошенные советы, которых все равно никто не слушал. Но игра была бестолковой, парни играли на пять и десять центов, карты двигались медленно, поэтому он решил оживить игру. Сдающий карты снес туза, а у толстогубого коротышки слева как раз были тузы.

Итак, Кип вынул туза из сброшенных карт и положил его обратно на самый верх колоды. Когда тузы выиграли, то была прелестная пятиминутная стычка, которая закончилась тем, что сдающий оказался на толстогубом, сдавив его до посинения. Но тут остальные два парня растащили их в стороны и увели толстогубого, а сдававший пнул ногой стул, потом закрыл дверь и пошел наверх, оставив Кипа наедине с бильярдными столами, напоминающими покойнические столы в прозекторской и производящие гнетущее впечатление в

свете голой лампочки.

Кип стал бросать бильярдные шары в стеклянные квадраты двери, пока не пробил достаточно большую дыру, чтобы выйти на улицу. Выйдя, он попробовал запеть, но это был слишком одинокий звук. А голоса начали беспокоить его вновь.

Затем на протяжении нескольких скучных кварталов не было ничего интересного, пока он не набрел на магазин ювелирных изделий с освещенной витриной; он был закрыт, в нем никого не было, но прямо рядом с ним находилась дверь с тусклым фонарем, горевшим над вывеской, на которой было написано: "Мадам Райма" и он мог видеть за окном движущиеся тени. Кип взбежал в спешке по ступеням, дверь оказалась незапертой, он вошел.

Кто-то двигался по комнате, гася все лампочки, пока не осталась гореть всего одна лампочка мощностью 40 ватт в старинной лампе с голубым шелковым абажуром, стоящая прямо возле женщины, которая сидела, откинувшись, в кресле. Ее подбородок был поднят, глаза закрыты. В помещении находились и другие люди, мужчины и женщины, около полудюжины, но они все сидели спокойно.

Кип уже собирался уйти, когда вдруг женщина в кресле начала стонать и брызгать слюной, медленно поднимаясь с кресла, пока тощий парень, который гасил лампочки, не подошел к ней и силой не усадил ее обратно. Через минуту она успокоилась.

- Кто здесь? - спросил тощий парень.

- Твикси, - сказала она тонким свистящим сопрано и захихикала.

- Есть ли здесь еще кто-то, кто хочет говорить с нами?

- Да. Их много.

Старая брехня. Гипноз для наивных дурачков. Интересно понаблюдать, как они это проглотят!

Теперь женщина говорила низким мужским голосом.

- Тут все другое, Дотти. Нет возможности рассказать тебе - я не могу сделать так, чтобы ты поняла. Но твоя мать и я очень счастливы, очень счастливы. Когда-нибудь мы все будем вместе и тогда ты увидишь...

Кип заерзал. Если бы он мог заставить их слушать его, он бы им передал такие сообщения духов, что выбил бы их из колеи раз и навсегда. Но не было возможности заставить их. Можно загнать человека в угол и кричать на него, а он все равно будет только чувствовать дурноту и истерически моргать, и оставаться глухим к вашим словам.

Он может сделать это. Он может оставить их выпотрошенными, как после дня святого Валентина. Но в этом нет никакого удовольствия. Все та же ловля рыбы в бочке.

"Твикси" опять вернулся как раз, когда Кип собрался уходить.

- Здесь некто хочет поговорить с человеком по имени К.М. Это важно.

- Есть здесь кто-нибудь с такими инициалами? - спросил тощий парень.

- ...Хорошо, в любом случае продолжай, Твикси.

- Это сообщение. Один глоток - это полглотка; два глотка - это на один глоток больше, чем надо; три глотка - это не глоток.

Голос женщины позади превратился в крысиный писк, когда Кип закрывал дверь.

К.М. Совпадение. Но один глоток - это полглотка, он согласен. Или восемь, или десять. Кип пошел по пустой улице в поисках бутылочки на сон грядущий.

Когда Кип добрался домой с бутылкой, он должен был прокладывать себе путь в гостиную через ночной кошмар узких ленточек из закрученной бумаги, которые были приколоты чертежными кнопками к стенам, двери, потолку, везде. В углу комнаты стояло нечто наподобие трона. Только со второго взгляда он признал в этом сооружении кресло с прямой спинкой, установленное на кофейный столик; вся эта конструкция была задрапирована атласными занавесками, снятыми с окон и украшена мятыми кусочками фольги, красной подарочной оберточной бумагой, золотыми звездами и гирляндами из чего-то, что при ближайшем рассмотрении оказалось розовой туалетной бумагой.

Нэнси сошла со своего сооружения, вихляя покрытыми блестками бедрами, чтобы заставить таким образом раскачиваться страусиные перья. Она не смотрела на него. Она медленно прошла через комнату, неуклюже выставив перед собой руки со скрюченными маленькими пальчиками. Затем поставила иглу портативного проигрывателя на пластинку, которая уже крутилась там. Звук был поставлен на полную мощность. На Кипа обрушилось: "Хорошая девчонка..."

Нэнси медленно прошуршала к своему трону и взобралась на него, грациозно, как обезьяна, несмотря на высокие каблуки. Она села там как истукан; вся ее кожа была усыпана белой пудрой за исключением двух лихорадочно горящих пятен на скулах, на голове у нее была съехавшая на бок корона из серебряной бумаги, а в руках она держала потрепанный скипетр.

Кип чихнул, пошарил в пустом кармане в поисках платка и вытер нос рукавом. Ленточки перекрещивались на двери, ведущей в холл, и она выглядела как длинная дорога в никуда. Он то ли сел, то ли упал, прислонился спиной к стене, и, прежде чем открыть бутылку, почесал самые скверные старые и все новые зудящие места.

Когда бутылка опустела - скорее, чем ему бы хотелось, - дверь отворилась. Он постарался сфокусироваться на ней и проследить. Это вошла Анжелика, упавшая в норковом жакете, на котором все еще висела магазинная бирка. Кроме жакета на ней были широкие брюки с вышивкой и виднелся черный пупок фотоаппарата. С позиции Кипа казалось, что туловище Анжелики наклонено к полу под неестественным углом.

У Анжелики было около миллиона снимков местных официальных лиц в сомнительных позах. Некоторые из них были политически компрометирующими, другие просто смешными, а третьи непристойными; ее комната была забита ими. Она старалась оставлять их на столе у своего шефа, в справочных отделах газет, на сидениях автобусов; никто никогда не обращал внимания на снимки, их рвали и выбрасывали в урну, но она продолжала делать то же самое. Остальное время она тратила на хождение по магазинам; все пространство ее комнаты, не занятое снимками, было забито норками и горностаями, последними парижскими моделями, драгоценными камнями, ожерельями, брошами и деньгами, образующими целый хрустящий бумажный пояс. Она много говорила о том, что переберется отсюда, но оставалась по той же причине, что и все они: ей нужно было с кем-нибудь говорить, а иначе можно было сойти с ума.

- Что это еще такое? - спросила она, отводя в сторону скрученные ленточки и посмотрев долгим взглядом сначала на Кипа, а затем на Нэнси. - Пропойца и сумасшедшая, - сказала она утомленно, но ее горло напряглось, так как ей пришлось перекрикивать леденящие душу вопли, рвавшиеся из проигрывателя.

- ...как прекрасная мелодия, - вскричал голос с пластинки.

Раздался заключительный аккорд оркестра, музыка прекратилась и только слышен был скрип самого проигрывателя. Нэнси спустилась со своего трона.

- Выключи его, - сказала Анжелика.

Нэнси продолжала идти, двигаясь как восковая фигура. Она опустила иглу в желобок крутящегося диска и, развернувшись, пошла к трону, но еще не раздалось ни звука, как Анжелика была возле проигрывателя и сняла иглу с пластинки. Нэнси опять повернулась и пошла к проигрывателю.

- Послушай, - сказала Анжелика, - у меня был трудный день...

Нэнси опустила иглу.

Анжелика резко отбросила иглу, сняла пластинку и, ударив ею о крышку проигрывателя, разбила ее на дюжину кусков.

- ...и я устала, - продолжила она. - Устала! Теперь ты понимаешь?

Нэнси ничего не ответила. Она взялась двумя руками за фотоаппарат и отскочила назад. Ремень фотоаппарата потащил и Анжелику, пока не соскочил у нее с головы. Нэнси бросила фотоаппарат и нанесла Анжелике удар до того, как та ударила ее снизу. Они упали и покатались, вцепившись друг другу в волосы, визжа, как несмазанные петли на дверях.

Кип нащупал позади себя дверной косяк и, пошатываясь, приподнялся. Он

вычислил направление, добрался до середины комнаты и нагнулся, чтобы схватить Анжелику.

Она была скользкой, как рыба, в своем пальто, но он собрал в охапку весь этот мех и поднял ее, хотя она лягалась. Затем кто-то подставил ему ножку, и он тяжело упал на твердый фотоаппарат и мягкое теплое тело. Удар погасил свет в его глазах. Когда он снова попытался сесть, чей-то локоть ударил его по подбородку, а когда он вновь начал падать, то чьи-то ногти расцарапали его нос. Он ударился головой об пол, как о покрытый ковром обломок кирпича.

Когда он опять стал понимать, где верх, а где низ, то выполз из свалки и пополз от этого места. Но дверь, которую он открыл, оказалась не той, и он вывалился в холл. Там его и вырвало.

Кто-то пнул мусорный ящик, и эхо прокатилось по темной улице.

Кип сидел на холодных каменных ступенях, сжимая голову руками. Ночной воздух струился сквозь его пальцы. Он прислушивался к пустоте внутри себя. Он был одиноким пьяницей, его тошнило, и голова у него была вся в ушибах, но голоса исчезли! Он снова был пустым домом, отвратительным и пустым, пустым и холодным.

Это все-таки оказалось для них слишком много. Они хотели драки, но не желали шишек. Хотели пить - но не до рвоты.

А, может быть, они уже были готовы уйти. Никто из них больше не задерживается надолго. Их перебивало в нем... Сколько же их было со вторника? Он потерял счет.

Однако, пустым он тоже оставался ненадолго.

Итак, Кип сидел здесь - это была та короткая передышка, когда он находился в здравом уме, - лицом к лицу с фактами, о которых он не хотел помнить и о которых ничего не хотел знать.

Анжелика.

Он уже знал, что случилось с ним. Знал уже на протяжении долгого времени. Каждое новое вторжение было хуже, чем предыдущее; он получал наросты, и морщины, и икоту, и изжогу, и перхоть, и пятна парши, и растущие внутрь ногти на пальцах ног. А, возможно, будут болезни и еще хуже. Он был разрушающимся старым домом, разделенным на квартирки с холодной водой и общими спальнями, заполненными временными жильцами с дырками в носках. Когда-то он был ценной собственностью, и его владельцы заботились о нем. Теперь он обесценился.

Покатился вниз по тернистой дорожке разрушения. Больше не было никакого смысла в том, чтобы пытаться выгнать их. Не хватало времени и, в любом случае, они уходили, как только были готовы к этому. В том состоянии, в котором он был сейчас, единственное, что он мог сделать, это ухватиться за тот маленький обломок самого себя, который еще оставался, и бороться с ними, когда они пытались заставить его делать что-нибудь особенно подлое. Но достаточно скоро он не сможет делать даже этого. До свиданья, обломок самого себя. Здравствуй, зомби.

И он смирился со всем этим. Потому что, возможно, он был трусом.

Но Анжелика...

Анжелика следовала за ним по этой дороге шаг за шагом, безупречная для дурно воспитанного человека, святая для опустившегося. И теперь, когда он осознал то, что знал все это время, стало совершенно очевидным, что ею тоже владеют духи. Такой же была и Нэнси - и, хотя он не мог доказать этого, но он чувствовал всеми печенками, что такими были почти все. Если подумать о том, как много людей умерло на планете со времени пещерного человека, и какое малое количество их заслужило райскую жизнь (если она существует), то еще удивительно, что они не кишат кишмя в каждом человеческом мозгу, как безногие личинки в отбросах.

Как много проклятых душ может танцевать на кончике иглы?

И что же ему все-таки делать?! О Господи, не удивительно, что они изолировали его; он был носителем инфекции. Нет! Он был разрушающимся

домом, и он понижал ценность всех хороших домов вокруг себя и в окрестности. А соседями его были Анжелика и Нэнси.

Нэнси, похоже, не очень изменилась. Она просто вернулась к своему прежнему ненормальному состоянию, вот и все. У нее был только один проблеск рассудка - в тот день, когда она взяла себя в руки, чтобы помочь ему. Возможно, ее обитательницами были старые девы, слишком упрямые, чтобы перемещаться куда-либо, которые живут в старом доме, даже когда все вокруг них начинает сдаваться в аренду и покрываться сорной травой. Но жильцы Анжелики были не такими.

Очистка трещин.

Когда ближайшие окрестности начинают приходить в упадок, можно ли остановить этот процесс? Иногда. Возможно.

Если правильно выбрать дом и разрушить, снести его.

Пьян... Мысли кружились в его голове, мягкие и смутно-яркие, все было ясным теперь, за исключением размытых краев. Но Кип не мог устоять на ногах, все путалось, и когда он попытался встать, его колени согнулись не в том направлении. Он не сможет найти аптеку без фонаря... не сможет прочесть наклейки, чтобы определить, где яд. А отпущенное ему время уходило.

Вверх по ступенькам. Он упал и ободрал колено. Но продолжал двигаться. Кип пересек вестибюль - судя потому, что запах нафталина и пыли ударил ему в нос - и стал подниматься вверх по лестнице. На лестнице нельзя заблудиться, пока можешь отличить верх от низа. У него была цель там, наверху. В его комнате должно найтись что-то подходящее - бритвенное лезвие, например; а если его там нет, то существует окно.

И в конце концов, он хотел видеть их опять перед тем, как умереть. Их обеих, Анжелику и Нэнси. Женщину, которую он любил, и женщину, которая любила его. Тут был весь его мир.

Гостиная была погружена в темноту, только иногда проскальзывал отблеск отраженного розового сияния неоновой рекламы. Он обошел, пошатываясь, остатки трона Нэнси и погрузился в холодную пустоту за кушеткой, ощупывая пол в поисках своей забытой спортивной сумки. Шприц должен был быть все еще здесь; подойдет, если он сможет найти вену - трубка с воздухом, закупорка кровеносного сосуда, остановка сердца, чистая и тихая.

Он нашел сумку, но в ней не оказалось шприца. Вообще ничего, кроме бутылки, которая была слишком большой, чтобы в ней было что-то полезное. Он поднес ее к окну и стал рассматривать. Не лекарство, но что?

Сливовый сок с витамином. Точно; он положил бутылку в сумку со всем остальным тряпьем без всякой задней мысли, просто потому, что не хотел оставлять ее. И вот она здесь.

- Один глоток - это полглотка...

Кто? А, конечно, спиритическое послание. Что, они имели в виду витамин? К.М., Кип Морган, один глоток - это полглотка...

Два глотка - это на глоток больше, чем надо...

Конечно. Почему бы и нет? Маленькие голубые человечки, сидящие на месте водителя в голове у мадам Раймы. Привидения спиритуалистов - было над чем посмеяться, если вы на это способны - которые лепечут всю эту чепуху, противореча один другому со скоростью шесть миль в минуту. Но иногда - о, очень нечасто! - они передавали сообщение, которое имело смысл.

И это должно было быть то, чего они хотели, опять - "они"; существа, которые создали карантин, удерживая его от того, чтобы он рассказал о том, что знает. На глоток больше, чем надо. Последний глоток. Очень просто: передозировка витамина окажется ядом.

Кип открутил пробку, но все еще колебался. Позвать их? Зачем... Чтобы произнести предсмертную речь, десять бессмертных слов с икотой посередине?

Обезьяны умерли в конвульсиях. Черт с ним, черт с ним, у него нет времени на вежливости. Он умрет как попало.

Кип заколебался опять. После того, как он откупорит бутылку и

глотнет, при том, что его душа теперь, без сомнения, грязна, он наверняка окажется сидящим в чем-то затхлом черепе, копающемся в старых привычках и желаниях?

Не задавай мне вопросов, и я не буду отвечать тебе ложью. Не обращай внимания, откуда взялось это вещество, и что оно сделает с тобой. Если у тебя нежный желудок, заткни нос.

Он поднял бутылку, открыл рот и глотнул. Жидкость пошла вниз так, как разливается желчь, и некоторая часть ее попала в дыхательное горло.

Задышавшись, Кип упал на колени и сбросил лампу, стоявшую на краю стола. Шнур от лампы врезался ему в живот, когда Кип падал. Он рухнул, уронив на пол ноги, руки и всю эту дурацкую связку кишок, которую человек зовет своим телом. Кип был печален заглушающей все печалью, и радостен острой радостью, что он скоро освободится от всего.

Он начал чувствовать легкое головокружение и онемение, и если таков был процесс умирания, то это было вовсе неплохо. Но ему показалось, что он уже чувствовал себя так когда-то; и он боялся этого, еще сам не зная почему. Затем он услышал, что началось бормотание, и даже тогда он не понял, хотя он ощущал, что голоса не были внутри него...

Лампа на потолке зажглась. В проеме дверей, ведущих в холл, стояла Нэнси и смотрела вниз на него. А на ее плечах скрючились четыре крошечных туманно-голубых фигурки. Две на левом плече, колдуньи с тонкогубыми злыми ртами, пели: "Это грех! Это грех!"

Две справа, неопрятные, распустили слюни: "Сделай это! Сделай это!"

Голоса усиливались, становились все громче и громче, они звучали со всех сторон, проникая через стены, потолок, пол...

Что бы Нэнси ни говорила в этот момент, все утонуло в грохоте. Потом Кип увидел, что за ней стоит Анжелика, и у нее есть привидения, толпящиеся на ее плечах.

Одним глотком больше, чем надо.

На улице ему было не лучше. Тщетно закрывая руками уши, открыв рот в молчаливом крике, он бежал, шатаясь, на подгибающихся ногах к своей припаркованной машине. Он упал на переднее сиденье, завел мотор с третьей попытки, зубчатая передача заработала и он полетел, как сумасшедший, по Фигероа.

Кип выбирал направление инстинктивно. Через двадцать с лишним кварталов он подъехал к святой святых - университетскому городку. Он проехал вглубь территории как можно дальше и остановился, склонившись на руль дрожащим телом.

Он был опять заселен. Он слышал противные тонкие голоса, которые трепались внутри него; но к этому он уже привык. По сравнению со всем остальным, это было почти приятно.

Теперь он знал, что существуют вещи гораздо худшие, чем быть населенным компаниями завсегдатаев кабаков, хулиганов и сводников. Все предыдущее было лишь быстрым, коротким скольжением туда, где он находился теперь. Здесь были глубины такие черные и пустые, как беззвездная ночь. А люди жили себе, женились и рожали детей, платили ренту и налоги, гуляли на свежем воздухе и никто не пытался их подвергнуть лечению или надеть им наручники.

Что должен испытывать в больнице для душевнобольных человек, обреченный видеть и слышать наяву весь их бред? Раньше Кип не мог себе этого вообразить.

Больше не приходилось удивляться, что книги, которые покупает большинство так называемых нормальных людей, и кинофильмы, за просмотр которых они платят, были на самом деле и по определению психоневротическими. Нечего было удивляться ни тому, что законы, составленные людьми для людей, являлись по существу орудием пыток, ни тому, что толпы честных граждан могли превращаться в безумные ревушие толпы. Удивительно то, что во Вселенной вообще существовало понятие

здорового рассудка.

Думай. Думай.

В то время как одна часть его разума металась, как преследуемая крыса, другая его часть холодно и с любопытством рассматривала беспорядочно перемешанные части головоломки мира, в котором прежде жил Кип, пытаясь подобрать их, чтобы составить новый рисунок.

Странная пустота, которую вы неоднократно замечали в глазах среднестатистического человека - бесцветного, ни умного, ни глупого человека, который продавал вам бакалейные товары или наполнял ваш газовый резервуар. Автоматические элементарные ответы и ничего не значащая улыбка. Мое окно отмечено крестом, что означает - транзитная гостиница. Слишком много обитателей; слишком много лиц, накладываясь друг на друга, сливаются в смутное пятно.

Принудительные пьяницы, насильники, плывущие по течению: они не получают от своих поступков удовольствия. Но кто-то получает.

Деја ву. Вы никогда не были здесь раньше; но кто-то был.

Аллергии, функциональные расстройства, "психосоматические" болезни. Симптомы борьбы между владельцем и теми, кем владеют. Или же ваши жильцы - фермер, который при жизни выращивал хлопок, и по сей день ненавидит шерсть; домохозяйка, ненавидящая пыль; любитель птиц, ненавидящий котов.

Ровные характеры, внутренняя уверенность людей, которые унаследовали фамильные профессии и должности. Память не наследуется, но обитатели могут наследоваться, и через много поколений, населяя членов одного и того же семейства, жильцы могут утратиться в стабильную, хорошо приспособленную группу, которая не будет доставлять хлопот владельцам.

Большое количество случаев неврозов, чувства неуверенности, меланхолий и всяких других сдвигов наблюдается в больших городах, где уже было сложившиеся группы жильцов разбиваются и смешиваются роковым образом.

Гомосексуализм: результат того, что в мужчине поселилась женская община или мужское братство в женщине?

Неземное спокойствие, которое иногда можно наблюдать в глазах людей, страдавших долго и сурово. Это люди, принявшие решение оставаться незанятыми, превратиться в дом, в котором никто не захочет жить.

Или случаи, когда люди выбрасываются из окна или перерезают горло лезвием бритвы...

Еще не все. Следуй аргументам, собирай данные.

Если ответа не существует, то и карантин был впустую!

До сих пор Кип думал об основании пирамиды человечества, потому что именно там он находился сейчас и потому что алгебраические давления выдавливали здесь монстров; это было достаточно естественно. А вот как насчет верхушки?

Всегда существовали люди, у которых в голове провода были соединены неправильно. Эти неправильности придавали им автоматически неправильную форму в любой ситуации: квадратную, когда нужна была круглая, и круглую, когда нужна была квадратная. А были люди, которые скользили по жизни так, как будто все двери были вырезаны специально по их мерке. Люди, которые родились у процветающих родителей в процветающей стране; которые имели крепкие кости, чистую кожу и белые зубы; которых никогда не волновала цена на продукты питания; которые никогда не опаздывали на поезда, разве что если должно было случиться крушение; которые жили долго и от всего получали наслаждение. Высокие, стройные, счастливые люди без морщин.

Заботливо построенные и ухоженные дома для бездельничающих мертвецов.

Вот постулат: карантин не есть состояние, навязываемое спонтанно какой-либо новой группой жильцов. Система работает слишком гладко. Она организована, а это означает, что где-то должен быть организатор.

Где?

То есть как где? Внутри самого красивого, самого здорового, самого богатого и самого счастливого человеческого существа...

Стремительный поток голосов обрушился на него снова, как только он выехал с территории университета. Каждое замечание крохотного стрекочущего человечка было отчетливым и ясным; не было смысла закрывать уши, они проникали через любые заслоны, выстроенные разумом. Кип должен был слушать, корчась за баранкой.

- Разорвал ее твоим...
- ...умерла в агонии, потому что они...
- ...стекало сырое и ели его...
- ...старались дышать, в то время как...
- ...где было темно и крысы...
- ...сказал ему в лицо...
- ...случайно вышел на огонь и УБИЛ ИХ ВСЕХ...

Пуще и гуще, больше и больше, как будто улица раскачивалась все сильнее и сильнее под невыносимым давлением океана голосов. Скорее назад, в центр, в гостиницу, потому что именно там...

Но он не должен думать об этом.

В вестибюль, вверх по лестнице против бурной реки голосов. Опереться о дверь, тяжелую и медленную. Щупальца звуков, похожие на морские водоросли, покачивались вокруг него...

В подводной темноте он нашел тяжелый холодный предмет и положил его в карман. Забыть о нем.

Когда в комнате Анжелики зажегся свет, она села в кровати. Ее рот открылся и тяжелые складки образовались вокруг него, но он тут же снова закрылся, когда она увидела лицо Кипа. Кип упал на колени перед стопками фотографий и разбросал их по полу, где они образовали гляцевый калейдоскоп лиц и тел.

Кип выхватил одну фотографию, затем другую. Он разложил фотографии полосами, покопался в них опять и смешал всю массу обеими руками. В конце концов он отобрал тонкую пачку снимков и зажал их в кулак, другой рукой он дотянулся до туалетного столика, вытащил сумочку Анжелики и вытряхнул все ее содержимое.

Он выхватил ручку из образовавшейся кучи и обвел одно лицо на каждой из отобранных фотографий. Пошатываясь, подошел к кровати и сунул пригоршню снимков ей под нос.

Адреса, - произнес он, - на обороте.

Она заколебалась. Он подошел ближе.

- Пиши сейчас же.

Она глянула на верхний снимок, перевернула его и начала писать на обороте. То же самое она проделала и с остальными фотографиями.

Когда Кип забрал их, она посмотрела на него с невольным уважением и спросила:

- Для чего?

Кип не ответил. Усилие оказалось слишком большим. Он опять почти утонул в волнах голосов. Кип, пошатываясь, вышел в холл, затем спустился вниз по притихшей в это время лестнице прямо в ночь.

Всемирно известного директора не было дома. Не было и родившегося за рубежом, многократно женившегося писателя. А запись Анжелики о восходящей молодой королеве красоты гласила только: "Холмы Голливуда, дальняя Кахуэнга". Но Тейлор Спотсвуд III спал в своей кровати.

Спотсвуд, темноволосый и мускулистый, как пловец, был скроен по великанской мерке. Кип рядом с ним казался карликом. А в его кровати могло поместиться шесть таких, как он. Кип медленно прошел по отглаженным простыням и положил пропитанную хлороформом подушечку ему на рот и на нос.

Когда дыхание Тейлора замедлилось, в комнате стало совсем тихо. Серебристый свет луны испещрял пятнами пол. Это был большой крепкий дом, слуги находились в противоположном крыле дома и единственные голоса, которые Кип мог слышать, исходили из тела человека, находящегося без сознания.

- ...verna effrenata mmmmmmm tant pis, on ne peut pas mmmm captus membris mmmmmmmmm delenda est.

- Выходите, - прошептал Кип сухими губами. - Я хочу поговорить с вами. - Он приложил конец открытого складного ножа к груди спящего гиганта и мягко нажал на него.

Три крошечных головки появились перед ним, светясь ровным голубым огнем в темноте. Они могли бы быть братьями: у всех троих была одна и та же паучья сетка микроскопических морщинок, один и тот же безгубый рот и одинаковые блестящие глаза. Один из них повернулся к остальным и заметил: "Nequissinuos". Остальные ответили: "Neu nefas!" и добавили короткое предложение на совершенно незнакомом Кипу языке, после которого все трое быстро изобразили улыбки, скорее напоминающие наполовину зажившую рану; третий спросил холодно:

- Чего ты хочешь?

- Вы знаете, чего я хочу, - ответил Кип. Костяшки пальцев его руки, сжимающей ручку ножа, побелели. - Не тяните время.

- У нас в запасе все время мира, - просто произнес выступающий дух. - Ты не можешь уменьшить его с помощью этого инструмента. Поэтому води себя вежливее. - И его глаза засветились, как круглые кончики зажженных сигарет.

- Но я могу заставить вас заняться поисками нового дома, - сказал Кип. - Однако нож мне нужен скорее для того, чтобы вы вели себя спокойно и выслушали меня. Вот то, что я принес, чтобы вести переговоры.

Он показал им маленькую бутылочку, в которой когда-то были успокаивающие таблетки, а теперь в ней до самого верха была налита темная коричневая жидкость.

Трое уставились на него, но голос говорящего остался таким же холодным и сухим, как прежде.

- Даже если предположить, что сила, способная осуществить твоё желание, существует, что само по себе абсурдно, то мы только три удалившихся от дел джентльмена. Мы не можем помочь тебе. Между прочим, что ты сделал с остальной частью этого?

- Отправил по почте на свое имя, - ответил Кип. - Сила, которая сделала меня и моих друзей невидимыми для каждого живущего в Лос-Анжелесе человека, существует на самом деле. А если это абсурд, давайте посмеемся сейчас и закончим на этом. Кое-кто боится, что я расскажу, какое действие оказывает эта штука. Этому же кое-кому достаточно произнести "лягушка", и каждое привидение подпрыгнет дважды. А если вы не являетесь этими "кое-кем", то, по крайней мере, вы находитесь достаточно близко к ним. Сойдете и вы. Но я думаю, что это вы и есть. Я думаю, чем дольше привидение живет, тем больше оно знает об одержимости и выселении, а самые старшие могут выгнать любого, кто переступил черту. Я думаю, что вы - самые старшие. Если и существовали когда-нибудь привидения, старше вас, они рассыпались в прах давным-давно. Но, прав я или нет, либо будет существовать новая система распределения квартир - когда каждый будет получать жильцов, которые причинят ему как можно меньше вреда и как можно больше добра, - либо я вылью эту штуку в глотку вашего друга. А если вы постараетесь перебраться в другое место - потому что вам придется это сделать! - я последую за вами, куда бы вы не пошли. Я найду вас. Я найду вас, и опять сделаю то же самое. Если у меня закончится витамин, я сделаю еще. И даже если вам удастся выбраться из сферы досягаемости, я подыму такой шум и открою глаза стольким людям, что опрокину всю вашу тележку с яблоками вам же на голову. Итак, отвечайте теперь. Да или нет.

Трое стали шептаться друг с другом, производя такой звук, как будто сухие веточки трещали и дребезжали на ветру. Говорящий дух сказал:

- Мы склонны вести с тобой дело спокойно, но торговая сделка, которая предъявляет требования только к одной стороне, - не торговая сделка. И потом, условия, которые ты выставляешь, безрассудны и находятся за пределами того, что тебе нужно на самом деле. Мы восстановим тебя и двоих женщин в обмен на определенные услуги. И не более того. Подумай над своим ответом. Мы делаем предложение только однажды. А вечность длинна.

- Покажется вам еще дольше, когда лишитесь уютного убежища, - сказал

Кип. - И нечего разговаривать со мной по законам баров; я выдвигаю *rustum donationis*, если уж вам так нравится латынь. Или можете называть это шантажом, мне все равно. Все или ничего. Один. - Он постарался развести челюсти спящего человека. - Два. - Он поднял бутылочку и открыл крышечку.

Трое обменялись взглядами.

- Мы согласны, - произнес выступающий дух.

Это было слишком легко.

- Поклянитесь, - сказал Кип. Но чем?

Шепот возник у него в голове - возможно, это был голос того же духа, который говорил через мадам Райму. И Кип вдруг подумал: может, это Джордж?

- Клянитесь, - произнес он, - вашей надеждой на забвение.

Старые привидения, в конце концов, были до некоторой степени отомщены. Природа питает отвращение к *rustum donationis*. Карантин был снят, как только Кип покинул дом, будучи вновь заселен группой из четырех болтливых, но добрых по натуре духов. Когда Кип выходил из дома, сторож здания заметил его и гнался за ним до машины, а полицейские штата догнали его за городской чертой. Нэнси и Анжелика были обнаружены удивленным коридорным, и они все трое стали однодневной сенсацией всех газет: "Студент, изучающий право, незаконно врывается в частный дом, а его возлюбленные находятся в свадебных апартаментах".

Кип и Анжелика потеряли работу. Мать Нэнси отвергла одного за другим семнадцать претендентов, и отдала ее под опеку джентльмена, который сочетал сайентологию с йогой.

Кип в конце концов вышел из тюрьмы. Они не смогли доказать, что он входил в дом и усыпил хлороформом его владельца, но предъявили ему обвинение в утаивании оружия (складной нож), в том, что покинул место происшествия (разбитые ворота) и оказал сопротивление при аресте.

Кип нашел Анжелику в тот момент, когда она упаковывала вещи. Ей предложили, сказала она ему кратко, прекрасную работу в торговой миссии в Чили. Это прекрасная возможность, она может вывести ее куда угодно. Она была все той же добросердечной Анжеликой, твердой, изящной, честной, уверенной. Но что-то было не так. Она ожесточилась, стала фарфоровой куклой со швейцарскими часами внутри.

Он прислушался к голосам, которые шли из нее. Он хотел убедиться еще раз. С голосами было все в порядке. Торговая сделка соблюдалась; среди них не было ни одного, который бы нашепывал ей честолюбивые песни.

И никогда не было.

Анжелика на самом деле всегда была такой. Она была такой в самой глубине себя, и единственным отличием теперь было то, что она получила полную свободу быть такой без всяких сомнений и колебаний.

И месть старых духов Кипу стала полнее.

...до тех пор, пока он не встретил рыжеволосую девушку в профессиональном магазине местного клуба, куда он пришел, чтобы забрать свои вещи.

У нее были рыжие волосы: не цвета моркови, и не цвета хины, но настоящие темные, блестящие волосы цвета красного дерева, которые можно увидеть лишь однажды в жизни. И у нее была бледная кожа, которая хорошо сочеталась с волосами, чистая и прекрасная, с оттенком "розы на снегу", просвечивающим сквозь нее. А ее глаза были большими и яркими, и казались наполненными до краев.

Кип сделал шаг к ней. У него перехватило горло. Он спросил:

- Нэнси?

Она сказала:

- Кип...

Одно слово, но все было в этом слове. Это был тот же голос, который читал "f ot t", когда это значило для него больше, чем "любовь Господа"; это были те же руки, практически не изменившиеся, хотя теперь они стали

изящными там, где были тощими, которые поддерживали его все время, молясь, взывая о помощи. Это была все та же любовь, не подавляемая теперь, но проявляемая свободно.

Чуть позже он достал бутылочку из кармана. Полиция в конце концов все же возвратила ее, не найдя в ней ни яда, ни запрещенных лекарств, ни другой какой-нибудь контрабанды. В ней оставалось немного жидкости: один глоток.

Он прислушался к голосам, исходящим от Нэнси. Теперь он знал все, что должен был знать.

Он выпил жидкость.

- Три глотка - это не глоток...

Голоса умолкли.